

Фёдор Маслов

Майские Страсти

16+

Фёдор Маслов Маслов Майские страсти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57297393

SelfPub; 2020

Аннотация

Жажда страдания ведёт героев то нравственному падению, то к воскрешению. И каждый сам находит свой путь и свои ответы на вопросы: может ли быть бог воссоздан на человеческом уровне? и может ли идеал быть в рамках адекватных норм на этом уровне?

Содержание

Глава 2. Мальчишник. Акт второй. С девушками	17
Глава 4. Хроническое похмелье души. Его симптомы и последствия	43
Глава 5. Сын и муж-сирота	69
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Часть Первая. Глава 1. Мальчишник. Акт Первый.

Пока без девушек

Молодой человек в белых кроссовках, чёрных джинсах и красной футболке о чём-то бормотал, проходя мимо церкви. Кто-то из зевак поглядывал на него с удивлением, кто-то – с безучастностью.

Тёплый орловский вечер медленно падал к ногам прохожих. Был четверг, 8 мая 2014 года. Многие спешили домой в этот знаменательный, переломный для некоторых персонажей будний день.

Дойдя до светофора, парень остановился, не переставая бормотать. Он перешёл дорогу, добрался до пятиэтажки недалеко от Комсомольской площади и свернул во двор. На лбу юноши появились две морщинки, глаза прищурились.

В его беспокойном уме блеснула идея о неминуемом испытании, которое для него выдумала будущность. Тут ему показалось, что он вполне уверовал в ещё неясную *необходимость мучения*. Грядущее ему представлялось туманом боли. Однако, слышался голос адреналина в душе молодого человека.

Ему невзначай вспомнилось одно недавнее впечатление, тёплое и сладкое. Оно ласкало его сердце языком правды, возможно, не до конца обоснованной.

Через пару мгновений парень поразился: так быстро испарилась свежесть этого впечатления. Он снова погрузился во мрак страданий. Юноша чуть не заплакал; человек устро-

ен удивительно: самое сильное страдание ощущается сильнее самой сильной радости.

Парень остановился у подъезда и взглянул наверх, на окно третьего этажа. Он сам не мог понять, хотелось ли ему попасть в квартиру друга или нет. С затаившейся болью девятнадцатилетний студент глубоко вдохнул городские сумерки и открыл дверь подъезда.

На лестничной площадке его встретили три товарища: двое – ровесники, а один – на пять лет старше.

Раздались приветствия.

– Сейчас докурим и пойдём,– сказал ровесник, хозяин квартиры.– Ты, Андрей зря задержался, ха-ха... Ну, ладно. Всё равно не пожалеешь.

Трое переглянулись и хихикнули, очевидно, не в первый раз за вечер. Старший из них, чуть выше ростом, чем остальные, но такой же худощавый, с наибольшим интересом наблюдал за реакцией Андрея. Тот молчал, но не конфузился из-за беспробудной задумчивости.

Когда докурили, вслед за хозяином все вошли в прихожую, затем в зал, где на большом деревянном столе виднелись бутылки шампанского и коньяка. Так же были и закуски. Хозяин усадил друзей и, якобы с сожалением, выдохнул.

– Да-а,– протянул хозяин,– грустновато. А что делать? Рано или поздно надо. Всех коснётся, до всех достучится. Вы думаете я это для красного словца?.. Нет. Не обижайте так меня. Обидели уж однажды, ха-ха!.. Когда родили. Да-а. А

что делать? Рано или поздно всех коснётся.

– И тебе не страшно?.. Жениться-то не боязно? А то испугаешься ещё, под венцом я имею в виду. Вот потеха будет. И свадьба, и похороны, – разом и с удовольствием выпил бокал шампанского Дмитрий, тот который старше всех.

– А что делать? Грустновато. И будет грустновато. Вспоминать буду себя, вас... молодость мою. Напившуюся юность, себя напившегося, и ностальгия... Ностальгировать буду точно.

– Обещаю тебе.

– Да я и сам себе обещаю.

Дмитрий по-прежнему с любопытством глядел на Андрея, пасмурного и доведённого до необъяснимой боязливости.

После довольно длительного молчания друзья чокнулись бокалами. Кто-то смотрел на коньяк. Это был сосед хозяина. Он вертелся в кресле.

– А Алиночка твоя что? – воскликнул Дмитрий с явным намерением не позволить жениху уйти в мнимые мечтания и беспамятство.

– А? Кто? Ах, эта... Эта да-а. Хороша, конечно.

– Не об это я.

– А о чём?

– Как вести себя станет?

– И ты спрашиваешь!

– Ну да...

– Как я буду себя вести, так и она. То есть, я не хотел это сказать. Я говорю, что... Ну ты понимаешь...

– Нет,– Дмитрий, улыбаясь, пожал плечами.

– Как тебе объяснить! То есть ты мне должен объяснять, но я не о том... В общем...

– Под игом будет.

– Точно.

– Под колпаком.

– Верно... Как это ты слова прямые подбираешь!

Жених выключил телевизор, Андрей тяжело вздохнул. Напряжение вечера возросло и ему как-то вдруг стало легче. Дмитрий уловил это движение его души и опять повернулся к хозяину.

– А девчонки будут, а?

– Ах, ты негодник! Ха-ха!

– Я про сегодняшней вечер,– Дмитрий сладко и словно загадочно подмигнул ему.

– Вот ты язва! Ха-ха! Не скажу.

– Жаль. Очень жаль. А то вот Андрюша грустит.

Дмитрий протяжно зевнул, прикрыв рот рукой.

Большие, серо-зелёные глаза Андрея посмотрели на него так, как будто только они знали истину происходящего.

– Измаялся весь,– продолжил Дмитрий,– до тла. Сейчас умрёт.

– Да, да, да,– вскочил с места Андрей и тут же вновь присел на кресло.– Мне очень мучительно сейчас, и я, чест-

но, не знаю почему. Может, кто-нибудь, знает... Хотя вряд ли. Не думаю, что кто-то понимает, но знаете, друзья, вещь вам одну скажу. Стрдание – это самая сильная и... вредная страсть. От неё нужно избавляться. Обязательно, настаиваю. Из-за неё появляются и все остальные страсти... Да, обязательно избавляться.

– Он уже настаивает, – Дмитрий глотнул из бутылки немного коньяка.

– Да. И от этой страсти я, может, маюсь.

– Ага. Грустишь. Не знаешь, почему? Нет? Наверное, чтобы тебя не застали врасплох?

Андрей кинулся в угол зала и встал ко всем спиной.

– Я считаю, не поэтому, – прошипел хозяин.

– Нет, нет, не поэтому.

Андрей бросился к Мелюкову, соседу жениха, думаю, что это он сказал. Хозяин и Дмитрий засмеялись, но довольно скупно.

Андрей по-доброму улыбнулся и заговорил:

– Это хорошо, что вы так всё воспринимаете. Мы воспринимаем, точнее. Поверьте, я очень откровенен с вами и всегда был, но сейчас я не могу вам обо всём поведать, и это не из-за того, что я в чём-то подозреваю вас. Даже не начинайте так мыслить...

– Ну ладно... Уж лучше выпей. Возьми вот бокальчик. Извини, что перебил, конечно. Выпей, – жених, брезгливо закусывая, подал шампанского, зная, что Андрею не до этого.

– Ничего страшного, что перебил. Что здесь такого?– лицо его засияло радостью, точно он был счастлив от того, что перед ним извинились после того, как неучтиво прервали. – Потом. Обязательно выпью потом.

– Вот! Даже пить не хочет.

Андрей начал было произносить длинную речь, но остановился: слишком глубоким взглядом по нему прошёлся Дмитрий.

– Так, что же Алиночка? Какова?– спросил он жениха, а сам продолжал с сатанинским лукавством и участием смотреть на Андрея.

– Ох, хороша!– жених хмелел и от шампанского, и от её имени.– Да разве этого достаточно.

– Ну-ну. Давай дальше.

– Так вот слушай. Я даже уже и разлюбил её, наверное. Что за послушание! Что за слуга какая-то! Ей дай ручку поцеловать, так она в верности поклянется, представляешь? Клялась. И будет клясться. Заскучаю, точно я заскучаю. А что делать? Куда мне деваться!

– И что же, тихая, наверное, как монашенка?

– Не то слово. С другими – дьявол. Я ей говорю, Алин, будь помягче, потоньше с людьми. Так нет же, ад подавай. А тут, со мной... Даже говорить не хочется. Смущаюсь. Как слуга, правда, слуга настоящая.

Его сосед уже выпил полбутылки коньяка и усердно закусывал. Он сладко разомлел и продолжал надменно и принци-

пимально молчать, когда все вокруг беседовали, – почти высшая степень вульгарности.

– Мы с ней, как... Не знаю даже как... Но очень вместе. Я – царь, она – императрица. Императрица, как слуга, у царя, ха-ха! Ручки целовать она умеет!

Он поднялся и подошёл к столу. Махнув рукой сначала на тарелки с колбасой, потом на салаты и фрукты, выпил рюмку коньяка, с наслаждением охнув то ли от спиртного, то ли от воспоминаний о поцелуях.

– Ты присядь. Давай дальше. Растравил душу, так и дальше рассказывай, – подмигнул ему Дмитрий.

– Значит, про ручки... Сидим в парке на лавочке, а напротив двое: влюблённый и... какая-то возлюбленная и полувлюблённая. Молчат, только изредка друг на друга как-то, знаешь, воровато поглядывают. А умник тот ещё и на нас смотрит. Видно, что что-то у него не выходит. Так он на нас смотрит, как будто обвиняет Алину и меня, что у него не ладится, понимаешь? Вроде того, что помешали мы ему. Вдруг как покраснел!.. И к ней: «Как же мне доказать? Как объяснить, что люблю? Как? Хочешь ручку твою поцелую?» И ближе подвинулся. Ручку он собрался целовать... Главное, сам предложил. Взял ручку и чмокнул. Тут, чувствую, Алинка как-то резко приближается ко мне. Перекрестилась и поцеловала сначала мою руку, а потом и в губы...

– Там? На лавке?

– Там.

– Красавчик!.. У этих на виду.

– Именно...

– Красавчик!... Дай пять.

Они страстно пожали друг другу руки.

– Это ещё что... Вот когда в «Оз-баре» были, это да! Комедия. То есть серьёзная комедия, понимаешь? Даже взрослая.

Андрей дважды кивнул и сделал вид, будто напрягся. Хозяин опять выпил и продолжил разливать уже довольно по-хмельному:

– Пьяный я тогда был, еле на ногах стоял. А она возле меня. Сторожила, значит. И тут подходит девица, я уж не помню... Блондинка, наверное, вся жёлтая какая-то. С бокалом в руке была. А Алина уже наготове, чувствовала, что с намерением та подкатывалась, и вырвала у той бокал. А жёлтая и моргнуть не успела, ну, Алиночка ей на голову всё шампанское и вылила. Вот так! Я даже устал рассказывать.

– А жёлтенькая что? Ответила?

– Кто? Она? Успокойся... Алина её ещё в придачу сумкой по голове.

– Хороша!

– Хороша. Ещё как!

Тут пауза затянулась, и Андрей, словно обрадовался этому, хотя вид имел по-прежнему мрачноватый и страдальчески-монашеский.

– Разве можно бить человека?– пробормотал он и вздрог-

нул, поняв, что сказано было вслух.

– Ладно, ты знаешь, что... не начинай,– хозяин раздражённо поспешил его перебить.

В комнате как-то вдруг потемнело. В ней и до этого было не особенно светло. Обои ярко-зелёные, песочно-коричневая мебель, белые шторы, лимонного цвета ковёр, а в связке всё давало оттенок ненастья или, скорее, пасмурности, как будто солнце боялась туда заглядывать.

– А то сейчас начнёт опять...– кашлянул хозяин.– Богу учить начнёт, правде.

Желая пошутить, он отыскал взглядом Мелюкова, а тот этого не заметил и очень философски смотрел на закуску. Казалось, включи ему любую музыку и, бедняга, либо тотчас же уснул бы, либо пошёл бы танцевать и прыгать.

Его решили не отвлекать. Он так и сидел в безнадёжном забвении.

– А пусть скажет, про Бога-то. Не мешай Андрюше. Ну,– кивнул Дмитрий.

– Что ты хочешь от меня?

– Ты же про Него хотел что-то сказать?

– Может, и про него. Хотя... Нет, это вам так кажется. Я сейчас не хотел этого.

– А всё-таки... Скажешь? Давай. А то посрашим тебя.

– Тебя не изменить, Ты же это сам знаешь.

– А ты какой-то не такой, как я?

– Я? Я просто верю и всё... Мне этого достаточно. Даже

чересчур.

– А я разве сказал, что я не верю?

– Нет, но подразумевал. Обмануть хотел меня,– Андрей серьёзно и, прищурившись, посмотрел на друга, точно заывая его куда-то.

– Ха, врёшь,– тот, тоже с серьёзным выражением лица, наклонился вперёд.

– Это секрет.

– Я как-то сказал что не верю в Бога. Ну и пусть, ладно... Но это не значит, что я верю в то, что его не существует.

– В Него не верить гораздо легче, чем верить... Он не даёт нам понять, что Он есть, чтобы мы не почувствовали безнаказанность за грехи... Вот на это обрати внимание.

– Укоряешь?

– Ни в коем случае. Просто у тебя всё от ненависти.

Жених решил встать и громко выговорил:

– Вы куда пришли?

Дмитрий жестом указал ему на кресло, и он снова сел, точно этим жестом его толкнули.

– Для меня обвинение в ненависти – не обвинение, Андрей. Потому что я знаю, что такое моя ненависть.

– Только меня в ответ не упрекай.– чем-то одновременно и обидным, и насмешливым была полна слабая улыбка Андрея.

– Хорошо,– Дмитрий неожиданно вскочил с места и почти закричал.– Кто не ненавидит, тот и не любит. И того тоже

не любят. И чем сильнее *мы* с тобой ненавидим, тем сильнее любим.

– Может быть, всё это и так...

Дмитрий подбежал к товарищу и, нагнувшись, шепнул:

– Потом, всё потом...

Они сумеречно посмотрели друг другу в глаза. Оба ощутили неприятный холок в душе.

Когда эти двое находились вместе, то создавалось очень странное впечатление. Окружающими овладевало чувство беспричинного страха, самого грязного и неприятного именно от того, что у него не имелось истока. Хотя Дмитрий и Андрей были разного роста, в их внешности проскальзывало что-то общее. И даже, вероятно, не в наружности, а в манере поведения в стрессовых ситуациях. А это, и придавало их внешнему виду сходство.

И Андрей, и Дмитрий были настоящими красавцами, причём давно это знавшими и переставшими ценить свою привлекательность. Но если присмотреться, и во взглядах, и в улыбке, и в жестах сквозила некая противоположность, а, быть может, противопоставленность, вынужденная и надоевшая.

Цвет кожи у обоих – бледный, глаза – большие, волосы – тёмно-русые. На лицо издали были похожи невероятно. А всё-таки, когда к одному чувствовалась симпатия, то к другому, обязательно – неприязнь; когда одного уважали, другого обязательно оскорбляли.

Есть в похожих друг на друга людях пусть даже одна черта, но которая до невероятности идёт одному и не идёт другому. Появляется удивительная особенность: за эту одну черту можно либо влюбиться в одного, либо возненавидеть другого. Если посмотреть на таких людей, очень похожих, говорящих одно и то же, имеющих общие принципы и интересы, то кажется, что они непременно должны друг друга ненавидеть и быть самыми жестокими врагами.

После того, как Дмитрий шепнул на ухо Андрею, стало понятно, что разговор этот на время пресёкся.

– Что вы в самом деле? На похоронах, что ли?– вскинулся жених.– Будет ещё повод так поговорить. Садитесь, не тревожьте душу.

Последовали те пустые разговорчики, которые нужны для того, чтобы хотя формально забыть о предыдущих толках. Беседовали о футболе, об общих знакомых, о том, что и о них самих кто-то в тот момент беседовал...

То и дело, как-то невзначай, повторялось следующее:

– Хороша!– подкатывал глаза Дмитрий.

– Да, хороша!– поспешно кивал жених.

Всё это выглядело наиграно, точно было заготовлено заранее, потому что и тот, и другой после таких слов якобы терялись и неосторожно перебивали друг друга.

Очень скоро они спали смотреть на Андрея с той неловкостью, с которой взирают на человека, испытывающего самое неприятное смущение. Начинались шутки, а затем опять:

– Хороша!

– Да, хороша!

Жених совсем был хмельной, без повода смеялся и серьёзно поперемежно. Скука начиналась содомская и липкая. К тому же Мелюков всё так же утомлённо моргал и смотрел на угощения. Картина вечера рисовалась тошная, бездарная и заразная. Но произошло то, чего, вряд ли кто-либо из гостей ожидал. Позвонили в дверь.

Глава 2. Мальчишник.

Акт второй. С девушками

Открыл хозяин. Сразу раздались девичьи возгласы, стук каблучков и ругательства. Были слышны женские голоса. Одна из девушек настойчиво уговаривала другую войти.

Алина вошла в комнату. Она держала за руку сопротивляющуюся двоюродную сестру Настю.

Невеста усадила её на диван. Настя была тоненькая блондинка среднего роста с чёрными, по-азиатски расположенными глазами. Смешение татарской кроткой прелести со славянским холодным, надменным изяществом составляло главную остроту её привлекательности, возможно слегка ненавязчивой, знание напрасной тонкости которой отражалось на характере. Настя явно боялась сестреу. Даже несмотря на то, что той было на три года меньше. Алина к девятнадцати годам полностью овладела чувствами родственницы, не подозревая того, что Настя только притворялась в своём страхе перед ней.

Сходства между ними не просматривалось никакого. Разные взоры, движения, повадки. Алина была совсем низкого роста, но ей всё равно как-то удавалось глядеть на сестру свысока, почти прикрывая светло-голубые глазки ресницами.

Даже отбрасывая в сторону её рост и худобу, можно было подумать, что Алина походила на дюймовочку: тонкие губы, маленький остренький нос, кукольные ручки и пальчики, покорное наклонение головы. А в глазах напротив: буря, пламя, бунт.

На ней было короткое, лёгкое белое платье. Алина поправила рукой длинные тёмно-русые, почти чёрные волосы и вскрикнула:

– Здравствуйте, мальчики!

Ту же Настя вскочила и двинулось было к выходу, но сестра толкнула её к дивану. Та уселась. Настя явно была одета наспех: в старой чёрной футболке и чёрных джинсах. Волосы растрепались, что её удивительно украшало. Она, зная это, их нарочно не расчёсывала, придавая себе вид немного отвлечённый. Настя подобрала губы и плотно сжала их, ещё сильнее похорошев. Она, как и Алина, выглядела абсолютной красоткой, но её прелестью трудно было наслаждаться. Сверкало в ней что-то тихое, покорное, несмелое, семейное. В таких красавиц или не влюбляются вовсе, или влюбляются, но слишком поздно.

– Празднуете?– мило наклонила головку Алина.

– Ты что тут делаешь? Кто тебя звал?– будущий муж подкрался к ней сзади и схватил за локоть.

– Ладно, не суетись. Сел, я сказала!

Он чуть ли не галопом бежал к креслу.

– Ух ты!..

Алина взяла полный бокал шампанского и разом выпила.

– На счастье!

И разбила о паркет.

– Слушайте меня. Извините, конечно, что помешала. Может, дважды помешала? Я никого не опередила? А? Надеюсь, что нет

– Ты что тут вытворяешь?– жених встал, но тут же его повело назад и он, хмельной, рухнул на прежнее место.

– Сиди и не возникай! Мальчики я должна обратиться к своему женишку. Дружок мой, у нас ничего не получится. Свадьбы у нас с тобой не будет. Ни завтра, никогда.

– Ты что вытворяешь? Кто разрешил? Кто подсказал?

– Кто это чихает? Ты, что, пьяный? Или дурак?

– Тебя точно кто-то научил.

– Какая дурь!.. От кого же ещё я её могла услышать!

– Брат, что ли, твой? Он..

– Нет, ты точно дурак. Брату моему ты до неинтересен.

Можешь мне верить.

Бывший жених до того испугался, что начал без остановки чихать. Алина сурово-серьёзно взглянула на него:

– Да он и вправду чихает.

Она повела головой, её густые прямые волосы откинулись назад, оголив глянцевые плечики.

– Андрей, почему ты на меня смотришь, как будто я на тебя смотрю,— она по-прежнему уничтожала взглядом хозяйка квартиры. В глазах полыхал лазурный огонь. Алина и не

взглянула на Андрея. Она начинала успокаиваться.

– Вот так лучше. Хотя ты такая злая, когда не ругаешься,— прошептал Андрей.

– Ладно, с тобой потом. Помолчи сейчас. С тобой потом поговорю. Тебе ведь, наверное, есть, что мне сказать. Или нет? Есть? Какое-то недавнее приключение... Ой, даже вчерашнее, ещё не забылось. Мне будет интересно. А теперь ты, подвечный. Как себя чувствуешь?

– Да... Ди... Мы...— он пытался что-то выговорить, но всё чихал и чихал, не справляясь с неожиданной напастью.

– Ты не волнуйся. Да, я так веду себя. Ты хорошо, а я плохо, чтобы ничего общего у меня с тобой не было. Ты уж не обижайся.

– Оставь его,— молил, как за себя, Андрей.

– Не кричи на меня!— она первый раз к нему повернулась с самым хищным за прошедшие минуты выражением лица.— Я тебе сказала, что с тобой потом. И не приставайте ко мне. Почему хоть вокруг меня одни кретины? Убежать бы,— после таких выпадов её можно было бы посчитать за безнадёжную грубиянку, если бы не её полное равнодушие к собственным выходкам.

Сестра почти дрожала. В ней угадывалась мучительнейшая скорбь от бездействия.

– А это у тебя всё спонтанно. Но опять как-то ненатурально,— протянул Дмитрий.

– О, ещё один проснулся.

– Мы и не засыпали,– вставил Андрей.

– Что касается тебя, то ты выглядишь намного лучше, когда спишь,– Алина сильно сжала кулачки и ехидно засмеялась. Она явно мстила Андрею за то, что Дмитрий её перед ним унизил за полминуты до этого.

Кроме хозяина до смерти испугался и отупел Мелюков. Пьяный, он думал, что незаметно встанет и уйдёт, как-нибудь по-тихому, бочком протиснувшись между закипевших интриг. Мелюков проплыл вдоль стола и направился было к двери.

– Куда? Стоять! На место! Все на месте!..– Алина загородила ему путь рукой, погрозила пальцем, и он пошёл к креслу.

Тут вскочил бывший жених.

– Ты! Ты моего друга...– он как-то невпопад перестал читать.

Жених бывший, казалось, решился на атаку, приблизился к бывшей невесте, но она ладонью ударила его в грудь так, что тот чуть не свалился с ног.

Алина громко задышала. Её грудь волновалась, губы порозовели, она оскалилась, но это был оскал ангельский, если позволительно кощунствовать; оскал уставшей богини; оскал разъярённой, свергнутой королевы. Её лицо и теперь ничуть не изменилось: форма его ни овальная, ни круглая, идеальная; всё та же матовая белизна кожи, всё те же сизые, едва заметные венки на висках, всё та же небесная лазурь

глаз; лазурь той часть неба, которая прилегает к солнцу; лазурь еле приметная; лазурь светло-бело-голубая; лазурь, разливающаяся над нами лишь в самые знойные дни.

– Разве можно бить человека? Уж не лучше ли его убить, чем бить?– до того робко-неожиданно спросил Андрей спросил, что все чуть не рассмеялись.

– Я, может, жду, когда он ответит.

– Если не подлец, то не ответит. Как Христос должен... Только не подставлять. Подставлять щёки – это грех. Зачем провоцировать человека на повторное преступление? Нужно целовать руку, которая бьёт. Она бьёт, потому что не знает ласки; узнает ласку и перестанет бить.

– Сестрица, что скажешь?

Но Настя молчала. Её лицо вытянулось, изображая подобие удивления.

– Подожди,– попросил Дмитрий и обратился к Андрею.– Как Христос, говоришь?..

– По-другому.

– А если эта рука потому и бьёт, назло бьёт оттого, что её целуют?

Андрей сделал вид, что не будет отвечать.

– Я думаю, ты руку не целовал, потому что она не била. Не хочешь – не говори, не надо... Молчи. Пощёчину простить легче, чем пощёчинку. А то... Руки... Щёки... Красивый жест, удобная позиция не более того. И у него, и у тебя. Красивый жест, и всё.

Алина невольно хихикнула. Она чувствовала, что замысел, уже давно изглодавший её душу, вот-вот должен был осуществиться.

Алина смотрела то на сестру, то на Андрея. Будь её воля она бы глядела на них одновременно.

– Встань, – Алина вдруг подошла к Андрею.

Он поднялся и получил оглушительнейшую пощёчину. Поначалу Андрей растерялся, но затем сел и махнул рукой:

– Этого ты, может быть и не хотела. А так только... Для смеха...

Алина топнула ножкой и чуть его опять не ударила.

– Мне кажется, ты уже заранее раскаялась. Непременно раскаялась ещё перед тем, как ударила. Потому и ударила, что думала, что после этого станет легче.

– Нет, – Алина удивительно спокойно пожала плечами и усмехнулась.

– А я говорю, что да.

– А я говорю тебе, что нет. Ты раскаялся до того, как сказал мне.

– Смешная ты. А мне больно за тебя.

– Отстань. Привязался.

Удивительно, но, несмотря на грубый тон Алины, Андрею показалось, что она была необычайно довольна его ответами. Их друзья это заметили и чрезвычайно удивились. Но было ли здесь что-то чудесное? Есть люди, которые угадывают самые потаённые чувства даже незнакомцев не из ка-

кого-то пророческого дара, а только потому, что и сами когда-то испытывали подобные ощущения.

– Я тебя предупреждаю раз и навсегда, – после дрожащей паузы заявила Алина, – чтобы ты не ввязывался со мной в такую игру... Потом не жалуйся.

– А что же будет?

– Плохо тебе будет. Вот что.

– А конкретнее...

– Тебе до того будет плохо, что мне придётся убежать. Мне придётся бежать, чтобы не сделать чего-нибудь плохого, потому что я не смогу отвечать за свои поступки. Учти это. И тебе будет плохо, если я не смогу сдержаться.

– Тут проблема... Бежать нужно не *от* чего-то, а *к* чему-то; бежать нужно не *от* тьмы, а *к* свету.

– Ладно, заткнись. У меня сейчас нет времени ругаться с тобой.

Алина вяло махнула рукой, как бы нехотя и даже на миг улыбка нарисовалась на её бледном оживлённом личике.

Андрей отвернулся. Алина довольно сильно ударила себя кулачком в бедро за то, что едва не рассмеялась.

Бывшая невеста разместилась в кресле. Напряжение ненадолго погасло, и от этого стало легче и свободней всем, кроме неё.

Взглянув на сестру, она как будто нашла выход и приободрилась. Алина начала говорить спокойно и прямолинейно, явно пытаясь не увлечься и не разволноваться:

– Я вот смотрю на женишка своего... бывшего и думаю, так настойчиво думаю... А что, если я захотела над ним посмеяться ради одного только издевательства? Или из-за привычки? Ладно бы я в этом случае заранее всё задумала... А то нет... Этого даже предполагать нельзя. Я бы никогда до этого не дошла. Душой бы, правда, могла дойти, да вот разум бы отстал. Точно бы отстал. Но всё это может так выглядеть, если вы, конечно, не подозреваете, что я сегодняшнее наделала случайно или даже лучше сказать, спонтанно, да ещё и исподтишка. Такой разворот, кстати, мог бы быть очень в тему... Жених-то мой как раз этого и заслуживает, хотя я его не упрекаю и ни в коем случае не мщу, боже упаси, я его и не уважаю настолько... чтобы мстить. Так вот, исподтишка... Он ведь и хамит исподтишка, и любит исподтишка, и всё делает исподтишка. Ну вот, я могла поиздеваться над ним, зная это. Ох, будьте уверены, я знаю это, но я не издеваюсь над ним. Точнее, издеваюсь, но не из-за этого. Я вот сюда шла... Эту тащила за собой, – она небрежно кивнула в сторону Насти, брезгливо жуя виноград, – и мечтала: как было бы круто мстить за грязь какую-нибудь, причём такую... не очень воющую. Аж замечталась, почти до слёз. И вдруг стало обидно, что это невозможно. Я шла и видела, как листочек зелёный с ветки вдруг опускается в лужицу. В майский вечер. Почему он сорвался? Заболел?.. А рядом море сухого асфальта. А почему в лужицу?.. Да потому что ему так хочется, потому что никто, кроме него, не может понять, поче-

му он туда падает. Что я? Я не мстила бы жениху. Даже если бы хотела. Я просто так, ради того, чтобы это было...

– Ну это уже психушка какая-то, – отвернулся Андрей и начал всматриваться в глаза Дмитрия, угадывая его домыслы.

– Что же он скажет? – спросила Алина. Она вдруг тоже стала ожидать чего-то от Дмитрия.

– А по-моему... Это не психбольница, – резко, с оттенком воинственности сказал он.

– Как?

– Я серьёзно...

Алина удивилась и на мгновение сбилась с того ритма игривости, с которым разговаривала до этого.

– Ясно... Нет, я-то знаю, что ты имеешь в виду, но ты объясни. Мне интересно, как ты собираешься в этом блудить.

– Смотри. Это не дуралейство и не безумие, это, что называется, беситься от жиру. Поняла?

– Фу, это грязно.

– А ты точно поняла?

– Поняла.

– А теперь смотри дальше. Можно говорить о каких-то чертях и быть сумасшедшим на самом деле. То есть таким, как, знаешь, наполеоны, ленины, гитлеры в дурдомах. Вот эти больные, но в другом роде. В самом настоящем роде, в самом первом. Им кажется, что вокруг них злые духи летают и всё такое прочее. А можно говорить о демонах и не

быть дурачками. Вот эти-то безумцы, так сказать, от безделья. Или от избытка. Только у тебя другой избыток.

– Да,.. Избытки у нас с тобой разные,— рассердилась Али-на, но словно не на Дмитрия, а на избытки.

Андрей вздумал вскочить, но растерялся, быстро проговорив:

– Тут уже мистика какая-то.

– Точно,— ухмыльнулся Дмитрий якобы дождавшись именно такого определения.

– Я ведь пошутил. — А я почти нет. Это полумистика. Без сатаны с крыльями и пастью змеи, без демонов с кровавыми клыками, как у волков.

– То есть самая страшная полумистика, да? Попробуй сказать, что нет.

– Самая страшная. Тут и человек, как дьявол, и дьявол, как человек.

Настя, якобы чтобы отвлечься и успокоиться начала креститься. На неё, как нарочно, никто не смотрел. Она достала из-под футболки крестик и пыталась целовать его, почти всякий раз промахиваясь: до того она обезумела от страха и стыда. Щёки её горели. Настя приготовилась к самому страшному. Смущение было её и девственное, и бабье. Глаза наполнялись слезами.

– Про Бога-то забыли,— кашлянул как-то по-старчекски, по-схимнически Андрей.

– Бог, может быть, для всех один; а вот дьявол у каждого

свой,— Дмитрий пробормотал куда-то в глубь себя, в пучину своей души; пробормотал низко и отчаянно.

— Не хочешь ли ты сказать, что... Ты и сам... Ну того?— так рьяно встрепенулся бывший жених, что и почти протрезвел, и позабыл про размолвку.

— Что того?

— Ну, в некотором смысле, того?..

— Дьявол, что ли?

— Ага.

Дмитрий хрипло захохотал.

— А ведь ты угадал,— сказал он раненым, облитым кровью голосом. Его лицо постепенно принимало прежний вид сурового, но отчего-то неуверенного могущества.— Я — дьявол, но я в него не верю.

— И ты необыкновенный какой-то? В смысле, у тебя дьявол свой, особенный?

— Конечно.

Дмитрий расслабленно опрокинулся на спинку кресла и развёл руками. Он сознательно выглядел всё глупее и глупее, точно удивляясь, как раньше с ним об этом не говорили и как могли усомниться в его словах. А в них уже, словно никто и не сомневался...

— Свой мир, свои видения. Понимаю,— хозяин задумчиво закивал.

Алина влажно цокнула языком:

— Да он смеётся над тобой.

– Друзья, разве я смеюсь? Разве так над друзьями смеются?

Хозяин медленно подвинулся ближе к краю кресла. Все его движения и изменения в лице обнажали неожиданную, немного трусливую заинтересованность.

– Раз не смеёшься... Может расскажешь что-нибудь такое...

– Что именно?...

– Ну что-нибудь страшненькое, голливудское, демонское.

Дмитрий взял полный бокал со стола:

– Что-нибудь кровавое, убийственное?

– Ножевое.

– В красках?– он нервно вращал бокал в руке.

– Да. Если есть и фотографии в телефоне, то...

– А. может быть, смогу и с фотографиями. Ладно. Сами захотели.

Глава 3. Гусар двадцать первого века?

– Сами захотели,– повторил Дмитрий ещё более ненастным голосом.

Все смотрели по сторонам, что выдавало особую заинтересованность в последующих событиях. Никто в точности не мог угадать, как поведёт себя Дмитрий. Только он заговорил, к нему одновременно приклеилось несколько одинаково жадных взглядов.

– Я как-то... очень давно совершил нечто вроде измены. Два года назад, по-моему, это было. Вы я думаю, поймёте,

что это за измена. Ею можно восхищаться, к тому же прошло много времени... Да, два года назад это было, точно два года уже прошло. Я и сейчас смотрю на всё это так же, как и тогда; а кто сказал, что измены имеют свойство менять? А я теперь другой, но это ли меня изменило? Меня, как будто сделали вампиром. Меня укусили, чтобы я кусал.

Дмитрий глотнул немного вина и опять налил целый бокал, давая понять, что всё только начиналось. Он заметил, как некоторым хотелось переглянуться, но даже в эту паузу никто не осмеливался преждевременно выдать движения своих душ.

– То ли время меня опередило, то ли я опередил время... Мы с ним совершенно точно разминулись... Раньше были гусары. Они играли в рулетку; мне кажется только потому, что больше делать было нечего. А на самом деле, искали чего-то определяющего и последнего. Они становились, как демоны или вампиры. Я думаю, что я даже тогда стал бы гусаром раньше, чем многие другие. Тут какая-то особая русская скука. Она всему – исход. А до неё такое творится! Ещё круче! Что-то вроде увертюры, которую не всякий переживёт... Если бы не было скуки, русский человек бы умер от тоски. Я плюнул ещё дальше. Не будь со мной тоски, я бы умер от скуки. Кто-то скажет, что это одно и то же. Пусть! Дураки! А смерть и потеря жизни – это то же самое? Иногда от потери жизни до смерти расстояние больше, чем от рождения до смерти. Так же никто не поверит, отчего происхо-

дит наша ненависть. Эх!.. Ладно... Стреляться так уж и после осечек стреляться... Есть два сорта ненавидящих людей. Одни сначала ненавидят себя, а потом начинают ненавидеть весь остальной мир,— эти романтики! Ха-ха!. Причём некоторые, возненавидев мир, влюбляются в самих себя; неизлечимая хворь! Но есть и те, кто возненавидев мир, себя презирают. Эти из второго сорта. Из адского сорта. Они сначала ненавидят мир, а потом так истязают себя, так начинают копаться, что и себя ненавидят до смерти, до ада земного. Эти — не романтики, эти — небожители, искупители, иуды неповешенные, вечные странники, святые. И для тех, и для других жизнь — это жизнь ради подлостей. Знаете, посмотришь, сколько разных вокруг подлостей и аж жить хочется. Бывают великие подлости. Такие, которые хочется простить быстрее всяких мелочных подножек. И, как назло, в такие-то моменты вскакивает, как прыщик, такое адское желание совершить что-нибудь пыльное, немытое... Какую-нибудь подлостёночку, самую мелкую и незаметную! Два года назад... Вернуть бы то время, чтобы его уничтожить, чтобы его не было, что бы оно не сидело во мне, как заноза. От него не больно, а вытащить — трудное и великое дело. А знаете, в чём вся соль? Уже тогда я чувствовал, что построил себе крест ещё никем несооружённый и неведомый. Я стал подниматься на такую вершину, которую никто даже видеть не мог.

Он что-то промышчал про себя и звонко поставил пустой бокал на стол. Андрей вздрогнул. Становилось очень мрач-

но и духовно, и визуально (визуально от того, что ночь полностью захватила город; чёрное небо, как пепел заката, презренно плевал темнотой на деревья; траурно-смолистый саван опустился на Землю; в окно билась предполночь, как будто постепенно уничтожая в комнате свет от люстры).

– Ах, милые девчата, теперь вот, наконец, к вам; послушайте!.. Я очень хорошо к вам отношусь, очень! Вы такие разные! К девушкам я чувствую удивительную нежность. Но я не люблю их за их покорность передо мной. Я ненавижу себя за то, что они меня любят. Я их много завоевал, но так и не смог понять. Ни одну не смог понять. Скажем, дурочка была... Она меня любила, потому что я унижал её парня. Разве это не чудо? Чудо какое-то странное. Оно дарит опустошение. Вот и тогда, может, всё от этого шло. Персонажем моей зарисовки, моей картины будет девушка. Мы с ней жили неподалёку... Может, и сейчас живём рядом, не знаю, она меня сейчас не интересуется. Любил ли я её? Кто знает! Я такой зевака, что мог дойти даже до этого! Возможно, я и стал ненавидеть её, потому что был так сильно в неё влюблён. Я себя не знаю. Бывало, что и давно, и сейчас я ненавижу всё, что вокруг меня. Но ненавидел ли я её, когда мы только-только познакомились? Нет. В то время я ещё не презирал людей. В то время я мучил себя мечтами, чтобы не страдать от иллюзий. В то время я ещё слишком плохо знал людей. Вот тут-то подлость и вскопала...

– Как прыщик?– неожиданно перебил его хозяин.

– Может быть.

– А как ещё?

– Как подлость. Только она так может вскакивать. Та подлость, про которую вы сейчас услышите, так и не стала грехом. Это, как лишение девственности. Эта подлость – не самая грязная, но она самая первая. Первый раз никогда не бывает самым ярким, но он всегда запоминается лучше самого яркого последующего события. И эта моя подлость самая мягкая, но она первая и врезалась в меня сильнее самого демонского греха. Так вот мы с ней, с девушкой, я имею в виду, встречались около месяца. Она была такая миленькая. Нежненькая. Я думаю, что я мог быть в неё влюблён. И вот однажды утром мы случайно встретились возле моего дома. Она даже вся затрепетала. Я не помню, что я ей говорил. Помню, что мы договорились встретиться со всеми нашими общими друзьями вечером и погулять по площади. А перед этим я в таких тенистых выражениях ей намекал, что хочу быть с ней всё время вместе и намного ближе, чем раньше. К этому и без того всё шло. Я так долго, старательно готовился к вечеру, одевался, причёсывался... Я почти волновался, когда мысленно видел её перед собой... И вот вечером иду... Перехожу улицу, вижу они уже все меня ждут, а на светофоре горит зелёный... Перехожу. Вижу их около моста Александровского... как и договаривались. Смотрю: она стоит, красивая, как назло. Как она была одета!.. Строй-ненькая. Солнечная, миленькая... Вот тут во мне черти и за-

кипели, завертелись... Смотрю вверх. Как назло, на небе ни облачка. Опять на неё смотрю. Красавица! Почему хоть мне так тошно стало? Стоит на каблучках, с распущенными волосами, гибкая. Тоненькая, прелесть! Я не знаю, может, мне прохожие не понравились; может, не понравилось, что ветер подул; но я думаю, что мне просто захотелось новых ощущений. И это чувство, как будто вновь воскресло во мне!.. Как призрак, как судья!.. Тут меня черти и надоумели. Я подхожу... А она... Вот из-за того, что она тогда такая красивая была всё и случилось!.. Как она улыбнулась! Я не знаю, как я удержался и не поцеловал её прямо в губы. Все толпой двинулись по Александровскому мосту, к Ленинской. Она идёт вблизи, улыбку заглушает, ждёт. Замедляю шаг. И все замедляют. Уже, значит, знают, что сегодня должно произойти сближение у нас. Все ждут. Ну я и начал. Так и так... Мы с тобой не можем быть вместе, прости, давай только друзьями, ты мне не по нраву и вся песня с припевом. Нам с тобой трудно будет вместе и прочее.

Жених восторженно захлопал в ладоши, затем дважды ударил кулаком по столу. Какое-то облако смуты на всех опустилось. Настя начала раскачиваться на диване, не замечая каким потерянным взглядом на неё смотрела сестра. Ледяная тишина, как на крыльях, облетала всю комнату.

– Какая девушка!.. Она и расстроенная была прекрасна. Идёт и слушает. А потом началась клоунада... Мы перешли мост и на Ленинской я завёл всю песня сначала. Только те-

перь я орал! Я там целый спектакль устроил. Я кричал, и все слышали, что я кричал. Вся Ленинская слышала. Кураж поймал! Мне мало было победы, мне ещё надо было шампанское открыть и от эйфории облить им себя и остальных перед тем, как прикоснуться к трофею... Я не могу быть с тобой, мы разные, сердцу не прикажешь, я не смог полюбить тебя, ты мне не нужна. Я так кричал!.. Я с такой интонацией кричал, что, конечно, все вокруг понимали, в чём дело. А она ничего не говорила. Мы дошли до площади. Остановились под часами. Она прикоснулась к стене дома и стояла, как двоешница у доски в школе. Она говорила, что ничего не произошло, что она на меня не сердится, что ничего такого не случилось, и она в порядке. Часто моргал, губы её чуть дрожали, ещё немного и она бы зарыдала. Мы стояли лицом к лицу. И я вдруг начал смеяться самым простодушным, наивным смехом. Прямо ей в лицо. Я, наверное, две минуты смеялся. А она стояла... Бедняжка, даже не догадывалась, что в то мгновение я мучился в тысячу раз сильнее, чем она. Будь у меня тогда пистолет, я бы застрелил или её, или себя. А, может, сначала её, а потом себя.

– И она тебе ничего так и не сказала?– вскинулся опять хозяин.

– Нет. Ничего не сказала, как будто нарочно мучила...

– А дальше? Ударила?– бывший жених вдруг оживился, взгляд его посветлел, на лице вот-вот бы замелькала улыбка.

– Ударила? Ты сумасшедший? Ничего она не сделала! Мы

пошли обратно к мосту. Там ревела какая-то девица, и мне ещё сильнее захотелось в тот миг, чтобы прелестница моя заплакала... Мы простились на мосту, и я поехал к Андрею. У него тогда был день рождения. А у меня день гибели, ха-ха... Шучу...

При этих словах Дмитрий разразился смехом, коротким и слабым, как будто искусственным.

– Хоть бы раз позвал... к себе на день рождения.– Алина, словно сонная, говорила тягуче и брезгливо. Весь вечер она то волновалась, то находилась в самом безмятежном состоянии.– А то всяких зовёшь... А нас нет.

Она пустым взглядом посмотрела на Дмитрия и опустила голову.

– Я бы с радостью, да вам, особенно тебе, будет скучно на празднике. Ведь я напьюсь. И буду приставать к кому-нибудь.

– Ну уж этого мы все насмотрелись,– Алина поправила на запястье золотой браслет и с клеопатровским, вальяжным хладнокровием положила руки на подлокотники кресла. Она подмигнула Дмитрию так, чтобы все это видели. Но Андрей, как назло, отвернулся, и ей пришлось это проделать ещё раз.– И женишок, наверное, тоже насмотрелся.

– Я? Нет. Честно.

– Как жаль!

Хозяин мгновенно приуныл. Он мутными, тоскливыми глазами глядел на Алину, только теперь осознав, что она и в

начале вечера не всегда была откровенна.

Белая ручка с браслетом на запястье поднялась вверх, приказывая хозяину молчать. Увидев желанное изменение в лице хозяина, Алина вернулась к Дмитрию:

– Скажи-ка, а ты простил?

– Кого именно?

– Ты простил за тот случай на Ленинской?

– Ау, кого простил-то?

– Как кого?

– Себя?

– Нет. Ту девушку... Ты же сказал, что она, как бы, нарочно молчала.

– Не до конца я простил её.

– Не до конца... Как можно прощать не до конца?.. Уж лучше вообще не прощать, – она махнула ручкой, но тут же задумалась, начав быстро крутить кольцо с большим топазом на указательном пальце, – верный признак её растерянности.

– А я как-то простил одного человека, чтобы ему сделать больно, – робко зашевелился Андрей.

– Это как? – почти одновременно спросили Дмитрий и Алина.

– Ну, чтобы он мучился из-за того, что я оказался выше его нравственно; чтобы он ещё плюс ко всему чувствовал, что это прощение незаслуженное. От всего этого давление муки усиливается.

– Какая дурь! – вскрикнула Алина, а сама украдкой погля-

дывала на каждого из присутствующих.

Андрей пожал плечами так, как это делают, когда под видом замешательства хотят скрыть свою правоту.

Случается, что самого заинтересованному в беседе человека не награждают никаким вниманием даже, если он и не скрывает чувств. Все думают, что волнение его изображается нарочно.

Больше всех встревожился Дмитрий. Она даже приподнялся, но вовремя опомнился. Его нижняя губа была до крови искусана. Страшно он смотрел на Андрея.

«Как же он на меня похож! Чёрт! Неужели я – зеркало его пороков?», – подумал он. Эта мысль, как яд, разъедала и парализовывала его душу.

– Значит, так, – захлопала в ладоши Алина. – А я никому ничего не прощу. Я хочу, чтобы вы все слышали и запомнили до конца ваших тупых жизней, что я никогда никому ничего не прощу.

– Потому что мне так хочется, – прибавила она звонким голосом.

Андрей зашевелился в кресле пуще прежнего:

– Я не знаю, имею ли я право... Но ты зря так говоришь. Я думаю, ты можешь простить.

– Молчи. Слышишь меня?

– Ты же хочешь, чтобы это кто-нибудь сказал. Не важно, кто.

– Важно, очень важно, – она била кулачками по мягкому

креслу.— Ещё слово, и... я тебя прогоню.

— «Ах, я споткнулась, значит, нужно другому подножку поставить. Не важно кому!» Вот так ты думаешь.

Алина вскочила, волосы разметались, в глазах полыхал лазурный гнев. Она, обойдя стол и зацепившись о его угол, мило поморщила носик и подлетела к Андрею. Долго скалилась, а затем маленькой пяточкой сильно наступила ему на ногу.

— Ай, больно же!

— Ах, тебе больно,— по-театральному всплеснула руками она.— Ты только кажешься таким... чистым. А на самом деле, я не знаю точно, конечно, но ты абсолютный врунишка. Да, врунишка! Точно! И только о себе заботишься. А показываешь себя, как монах какой-то. Всё это чушь и враньё...

— Да ты что, Алина, что с тобой?.. Я и не говорю ничего,— Андрей, как за милостыней, протянул руки к Дмитрию. Тот отвернулся.

— А что ты к нему лезешь? Я с тобой говорю,— её взгляд ещё более похолодел.

Алина тем сильнее порывалась кинуться расцарапать Андрею лицо, чем его глаза больше увлажнялись. Она бесилась, он бессилился.

— Ладно, может, ты и не так уж виноват,— вдруг Алина отступила.— Это всё из-за него.

Она прокричала и вытянула руку в сторону хозяина. Жест был прозрачен до неловкости. Алина и сама это вскоре осо-

знала. В одном из важнейших пунктов она невольно себя выдала, желая загладить свою эмоциональность по адресу Андрея. Так человек, которого охватил огонь, пытаюсь спастись, энергично машет руками, резкими движениями лишь приближая себя к гибели.

– Всё, Алин, успокойся, – мирно проговорил Андрей.

– У тебя забыла спросить. Вы тут все такие умные. Такие мудрецы, философы, учителя... Кафедры не хватает. Деловые, меры нет. Вас самих нужно к позорному столбу. Вот вы вынудили меня с вами так разговаривать...

Алина махала руками, гримасничала, высовывала язык. Она говорила глухим голосом и явно подбирала слова как-то не по погоде.

– Ну, всё., всё... Не лучше ли тебе выпить? А то мы тут все уже прилично выпили., – Андрей тоже с трудом находил слова и старался говорить бархатистее.

Алина заметила, что никто не намерен с ней ссориться или перечить. Ей пришлось вернуться к своему креслу. Причина злиться исчезла, и Алина начала злиться.

Она опять поднялась.

– Хорошо... – Алина поджала тоненькие малиновые губки. – Я всё могу понять. Но я не могу понять только одного.

– Чего же? – устало спросил Андрей. Слушал внимательно.

– Ты вот здесь рассуждаешь о всяком, – она махнула рукой. – Ладно. Дело твоё. Мы люди здесь чистенькие. Но бра-

таться с... Во-первых, как ты посмел прийти в мой дом? Тебя там никогда не жаловали, насколько я помню. И вот за-
вился. Ну кто тебя просил? Хорошо, что меня дома не бы-
ло. Я бы тебя выгнала. Или плохо? Не важно. Так вот... Ты
пришёл в семью, где ты лишний, извини меня. И что ты там
устроил? Что это за поглаживания по голове? Ты там распла-
кался? Ну-ка признавайся. Ладно было бы что-то тесное. Ты
не думай, я сейчас про эту дурочку Настю не говорю. Бог её
не обидит. Это бы я точно поняла, если бы она там жила. Но
она там не живёт. Что ты туда прискочил? Монетку кинуть
захотел?

– Ты же сама прекрасно знаешь, что меня позвали.

– Молчи. Ах, до чего ты дошёл. Вот, якобы мне и не лю-
бовь от семьи вашей не нужна. Я выше этого. Тут сострада-
ние к ближнему. Какой цирк! Ну кто тебя просил? Скажи
мне. Только на будущее учти. Я всё знаю. Я всё знаю, о чём
вы там говорили... Ох, как, назло меня не было. Мне всё пе-
редали. Я, можешь не надеяться, что я ничего не знаю. Всё
знаю! Вы так тихо шептались, что вас было за дверью слыш-
но! Всё до единого словечко я тебе когда-нибудь припомню.
Все фразы ваши тамошние знаю. Передали! Как ты мог так
поступить со мной? Ты же знаешь, какая я гордячка! Пусть
не за себя, за другого, но всё же. Через другого ты ударил
по мне, урод! Как ты там разливался о добре, Бог ты мой!
Клянусь. Много бы отдала, чтобы тебе там по шее надавать.
Разговорился там! Ладно бы перед кем-нибудь высоким... А

то... Перед моим братцем!

Глава 4. Хроническое похмелье души. Его симптомы и последствия

Семью днями ранее, первого мая, в городе было по-праздничному тепло, солнечно и зелено. Хотя многие по традиции выезжали на природу старший брат Алины, Роман Искупников, провёл весь день и вечер с друзьями в ресторане.

Внешне он походил на средневекового богатыря: два метра роста, крупная кость, грубый голос, звериный взгляд. Встречаются в народе такого рода здоровяки, склонные к вытиранию чужих соплей и размазыванию собственных. Но есть в них особенная черта: они легко могут убить другого человека, но ещё легче они убьют себя, чтобы спасти кого-нибудь.

При этой привычке или, скорее, потребности Роман мог доходить до такого животного исступления, что был способен и убить, даже близкого человека. В совершении преступления Искупников видел некую закономерность, что-то вроде «неминуемого греха перед неминуемым наказанием», как выразился в присутствии Алины кто-то из персонажей данного произведения. В этом пункте Роман более всего походил на своих родственников по складу характера. Он мог совершить злодеяние, зная наверняка, что затем будет об это жалеть и раскаиваться. И всё равно его никто бы не остано-

вил. Даже в припадке раскаяния такие люди понимают, что поступили бы точно так же, если бы можно было вернуть время назад.

С годами у него выработалась страсть наказывать других за их проступки. В некоторых случаях Искупников чувствовал, что наказание абсолютно справедливо, но его, тем не менее, мучила необъяснимая игра совести; или же он сам не хотел её себе объяснять. Одного Роман не понимал: отчего это происходило. Даже своим вполне верным чутьём он не мог постичь, что это шло от формального подхода к своему поведению. «Есть справедливость. Но есть и несправедливая справедливость. Есть несправедливое решение суда, но оно, как ни крути, законно и бессмертно. Что это значит?»— думал Искупников про себя перед сном почти каждую ночь. Он как-то боялся дойти до того, что для него «несправедливая справедливость» была важнее «справедливой несправедливости.»

Роману было двадцать девять лет. Его семья состояла из жены и двух детей: мальчика девяти лет и девочку двух лет. В 2003 году он вышел из тюрьмы, отсидев три года за кражу. Вслед за этим Искупников за одну зиму вдруг сделался в городе одним из авторитетнейших людей из мира криминала и считался самым многообещающим бандитом Орла. В двадцать лет он женился и переехал подальше от родителей в огромный двухэтажный пригородный дом.

Первого мая после того, как он отгулял с друзьями, Ис-

купников вернулся к себе, не помнил, как уснул и не помнил, как проснулся: до того мало ему удалось поспать. В пять утра он уже был на ногах. Роман мучительно бродил по дому, то спускался, то поднимался по лестнице. Наконец, подошёл к постельке маленькой дочурки, долго целовал ребёночка, забрёл в спальню и уснул беспокойным сном великого мученика.

Допьяна отдохнув на широкой кровати, Роман нехотя переделся и вновь уехал в город: в уже другой ресторан к уже другим друзьям. Возвратиться пришлось утром.

Искупников, голубоглазый, как Алина, массивный, пьяный, шатающийся брёл среди пригородных двухэтажных домов к своему. На лице – выражение полного отсутствия жизни в душе. Нижняя губа отвисла, глаза полузакрыты. Роман еле передвигал ногами. Опьянение было необычайное, плембейское.

Когда Искупников почти доштался до дома, ему навстречу выбежала толпа местных мальчиков и девочек. Среди них шумел и его сын.

Они играли в мяч, пока не узнали в пьяном человеке его отца. На миг все притихли и тут кто-то из мальчиков рассмеялся. Он кинул в Искупниова мяч.

Некоторые захихикали, некоторые испугались. Роман даже, как будто и не видел никого. Его сын стоял за руку со своей ровеснице, очень розовощёкой девочкой с длинными чёрными косичками. Она что-то беззвучно говорила.

Уже отходя от детей, Искупников по-пьяному неуклюже рухнул на землю и разбил бровь. По щеке поползла кровь и стала как-то угрожающе капать на траву. Вся одежда, руки и лицо были в серой уличной пыли. Роман поднялся с трудом, к тому же не с первого раза и опять упал. У детей началась истерика. Все смеялись, а мальчик-смельчак второй раз и уже гораздо более сильно бросил мяч в Романа. Девочка с косичками дёрнула рукой и засмеялась в лицо сыну Искупниова. У неё началась какая-то переистерика. Школьница запрыгала и отчаянно захлопала в ладоши. Её хохот звонким эхом обливал всю округу. У сына Романа задрожала губы, он хотел что-то сказать и бросился к отцу.

Роман встал и вяло осмотрелся. Его взгляд задержался на сыне, потом на девочке с чёрными косичками, затем опять на сыне. Искупников что-то страдальчески пробормотал и двинулся к дому. На этот раз ему удалось дойти.

Очнулся он уже почти затемно, так что даже сначала не понял, были то утренние или вечерние сумерки. По звукам с кухни, он догадался, что жена не спала. Стало быть, вечер.

Он спустился по лестнице, желая переговорить с супругой, как вдруг перед ним оказался его сын. Мальчик с боязнь в сердце опустил глаза и ждал. Его трясло от тревоги.

– А ну-ка, иди сюда, – отец взял его за руку.

Они поднялись наверх.

– Что там было? Утром

– Где? – мальчик всё не смел взглянуть в отца. Ему стало

страшно.

– На улице... Я же помню.

– Что?

– Кое-что помню... Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Я сильно был пьяный?

– Сильно.

– Грязный был, да?

– Да, грязный.

Роман цокнул языком.

– Я видел ту девчонку. Рассказывай.

– Что рассказывать?– мальчик ужасно трусил, не понимая, что его отец трусил в том момент в два раза сильнее.

– Смеялась она? А ну, говори! Смеялась?

– Нет.

– Не ври. Я же всё видел. Говори!

– Да, смеялась.

– Так... А ты?

– Папа, я не хотел тебе врать. Она хорошая, но теперь...

Тогда.

Отец ударил кулаком в стену.

– А ты-то, сынок, чего? Чего ты ко мне-то побежал?

– А я...

– Говори, как на духу. На месте надо было! Чего побежал?

– Я... Я думал,– мальчик захныкал. Слезы падали на пол, как страдания на душу.

– Ну! Давай!

– Я думал, – он опасно рванулся к отцу, – что ты умер. Я испугался. Я думал, зачем она мне, если ты умер.

Ребёнок уже заикался от рыдания. Его лицо маково покраснело. Искупников вбежал в спальню и бросился к окну. Мальчик побежал за ним.

– Ох, зачем же? Зачем ты так? – крикнул Роман и что-то простонал вдогонку.

– Папа, ты что?

– Запомни на всю жизнь, что отец – твой последний человек. Твой отец – пьяница, пропащая душа. Слышишь ли ты меня?

Мальчик заревел ещё громче и начал обнимать отца за колени.

– Папа, папочка! Я люблю тебя! Папочка, как я рад, что ты жив. Не ругайся. Не надо на себя ругаться. Ну их всех... Папочка, ты только не расстраивайся. Успокойся. Ты что плачешь?

Искупников в самом деле рыдал, как и его ребёнок.

– Папа, папочка! Не плачь! Я прошу тебя.

– Уйди, сынок.

– Не плачь, папочка.

– На всю жизнь запомни, отец твой – пьяница. Нет хуже меня человека. До смерти это помни.

– Не буду... Мне всё равно, какой ты... Я тебя люблю.

– Я – сволочь. Пьяница. Это так. Я худший.

– Папочка...

– Ах, ну почему я такой?– Роман всхлипнул и закрыл лицо руками.

– Ты у меня самый лучший. Ты жив, папочка. Мне больше ничего не нужно.

– Уйди, сыночек. Не надо. Уйди отсюда, родной, любимый мой. Иди к матери.

– Не хочу,– мальчик продолжал крепко обнимать его за колени.

– Уйди, сынок.

Он выпроводил мальчика из комнаты и заперся.

– Папа... Папочка! Папочка, открой! Папочка!

Ребёнок ещё долго плакал и стучал кулачками в дверь.

Его мама, молодая женщина двадцати семи лет, всё это слышала, но долгое время не решалась реагировать. Она расчёсывалась перед зеркалом и размышляла. Что-то постороннее таилось в её душе.

Оксана смотрела в зеркало и видела там смуглую, длинноволосую брюнетку с чёрными, цыганскими глазами, как будто даже колдовскими. Она вглядывалась и, словно не узнавала себя. Причесавшись, она пошла к спальне.

– Открой,– Оксана легонько постучалась в дверь, отодвинув мальчика.

– Ушла, чтоб я тебя не слышал... а то работать пойдёшь,– прокричал муж с той преступной, страстной ненавистью, которую чувствуют только к родным и самым близким людям.

Оксана кокетливо усмехнулась, точно о таком поведении супруга и мечтала весь вечер. Она даже не вздрогнула от того, как её супруг ударил кулаком по столу.

Позже, примерно через полчаса, когда и сын, и сам Искупников успокоились, Оксана услышала, как дверь осторожно, по-заговорщчески приоткрылась. Сама женщина находилась в прихожей, собираясь куда-то уходить.

– Гувернантка, ко мне, – раздалось сверху.

– Зачем?

– Быстро!

– Зачем?

– Сейчас же отыщи мне Андрея, – Искупников так и не показывался из спальни, а лишь кричал и вздыхал, как полоумный.

– Где я тебя его откапаю?

– Позвони... Спроси у сестры номер... Помолись дьяволу... Делай, что хочешь, но достань мне его срочно!..

Оксана вспорхнула по лестнице и оказалось перед мужем. От какого-то детского любопытства она еле удерживалась от смеха.

– Делай, что говорят, – прошептал Роман.

– А тебе зачем?

– Тебя не касается, – сказал, как проклял, Искупников.

Дверь громко захлопнулась.

Минут через двадцать явился Андрей. Ему что-то тихо говорила Оксана в прихожей, когда Роман сбежал с лестни-

цы и схватил юношу за руку.

– К себе иди. А то состаришься,— бросил он в жену.

Андрей в испуге пытался вырваться, но Роман даже не заметил его стараний. До мученической, монашеской боли в груди Искупников о чём-то переживал и ужасно торопился. Им встретился уже окончательно успокоившийся, но ещё с красными глазами сын Романа, Отец и его не заметил. Андрей еле успевал за ним и то и дело спотыкался.

Они заперлись в комнате на втором этаже. Роман выглянул в окно, повертел головой и закрыл форточку, боявшись, как бы их не подслушали. Даже с природой он не хотел делиться тем, о чём намеревался рассказать Андрею.

– Выпьешь?— спросил Искупников.

– Не сейчас.

– Это правильно.

Роман боялся и медлил. Он был похож на маньяка.

– Слушай,— прошипел он,— ты никому не говори.

– О чём?..

– Сейчас узнаешь,— Искупников делал вид, что напряжённо думает; его голос вдруг стал стеклянным, холодным.— Ты только никому... Обещай.

– Хорошо, обещаю.

Роман усадил Андрея на пол и сам разместился рядом с ним.

– Сам понимаешь, место сейчас такое,— сказал он, наверняка зная, что за дверью стояла и подслушивала Оксана.

– Нет.

– Не важно... Всё сейчас не важно. Слушай меня внимательно. Когда я вышел из тюрьмы... Давно это было. Знаешь, о чём я тогда думал? Не знаешь. Я думал о свободе. О том, что я её лишился. Можно ли вернуть свободу тому, у которого её однажды отняли.

– Думаю, нет.

– А мне на это наплевать! Ха!.. Потому что я думал о том, что я был свободен только в тюрьме.

– Это болезнь. Ты бедный.

– Что я там видел? Что нашёл? Вонь, грязь, мерзость, гадость, кровь. На моих глазах там зарезали человека. В двух метрах от меня. А именно там я был свободен и счастлив. Представляешь, можно одновременно быть и свободным, и счастливым!.. А почему? Я там никому ничего не был должен. Там были такие же, как я, и даже хуже. Не было ни родителей и их разборок, ни сестры с её тараканами и страхами, ни жены с её ножками. Я был свободен от жизни. Не это ли единственное счастье? Я был вне жизни и вне смерти. Я был человеком там, где убивали человека и людей.

– Забудь про всё... Просто живи и не будь эгоистом.

– Ха! Думаешь, мучить себя это эгоистично? Давно я это уже пережил...

Искупников поднял руку вверх, затем приложил палец к губам.

– Тс-с! Жёнушка там!

– Где?– вторил ему шёпотом Андрей.

– За дверью.

– Разве?

Роман бесшумно подкрался к двери и распахнул её. Там стояла Оксана.

– Что тебе от нас надо?– спросил супруг.

– Я мимо проходила. Нельзя, что ли?

– Можно да не тебе.

– Вот как!

– Иди куда-нибудь,– то ли кричал, то ли умолял Искупников.

– Чего ты орёшь?– Оксана шипела, как будто боялась, что муж её услышит.

– Тебе ещё раз сказать!

Жена была спокойна, отчего Роман загорался ещё безнадежней.

– Я шла к детям.

– Сейчас ты к чертям пойдёшь у меня!

На жене было домашнее жёлтое платье с глубоким вырезом на груди. На её бледных, круглых плечах лежали волшебные, чёрные волосы. Роман то и дело глядел на её грудь, которая, словно заря, раскраснелась, как у всех здоровых, страстных любовниц. Хотя Оксана по-прежнему выглядела спокойной, в глазах пылал страшный огонь злобы.

– Ладно! Я уйду,– она покорно моргнула.

– Сделай одолжение.

Безусловно, она не ушла. Искупников и Андрей продолжали разговор, но уже шёпотом. Оксана кое-что смогла слышать.

О встрече Искупникова с Андреем в деталях было передано Алине. Сестра Романа выслушала с вниманием и подбострастием.

Роман и Андрей беседовали час, Оксана рассказывала об их встрече не менее двух часов.

Алине стало известно, что после монолога брата о тюрьме начались взаимные комплименты, что было лишь увертюрой.

Один и самый важный момент Оксана передала в точности. Вот что она ясно расслышала:

Андрей: Тебя изуродовали. Тебя убили.

Роман: Да-да, точно убили.

Андрей: Прости их.

Роман: Да-да, простить и забыть. Всё это правильно.

Андрей: Покалечили.

Роман: Покалечили.

Тут Искупников стал страстно, с азартом злости, присутствующим изуродованным натурам, поддакивать Андрею и восторженно, с криками, бил кулаком по полу в эйфории от того, что его покалечили.

Затем начались сомнения. Роман не знал, продолжать ли разговор, потому что был уверен в подлости жены. Оксана рассказывала Алине, как муж убеждал Андрея в том, что она

подслушивала.

Преодолев замешательство, Искупников начал говорить Андрею о жалости к нему. Оксана не слышала всё, что проносилось, но в красочных выражениях поведала Алине о своих догадках.

Потом начался спектакль. Оксана встала перед Алиной и подражая то мужу, то Андрею, стала играть удивительную роль...

Всё, что она передала, являлось правдой без всяких утаек, но с мелочными прибавлениями,— самая мерзкая правда из всех существующих. Было рассказано о взаимных слезах, дружеских объятиях, тёплых выражениях. Например, таких: «Ты мой бедный», «Как же ты страдаешь», «Как же мы страдаем», «Как же они страдают», «Как же нам быть», «Мы обязательно победим»...

В конце спектакля Алина уже не поднимала глаза, как будто не пережила пожар совести. Тогда она в полной ясности знала, что ей надо было делать.

В какой-то момент Алине стало неинтересно и даже не противно слушать Оксану. Та это заметила и сникла. Чем закончился разговор Искупникова с Андреем, Оксана не сказала.

Слухов об этом появилось много. Кое кому Оксана рассказала, что после того вечера Искупников, проспав десять часов и проснувшись в отвратительном расположении духа, долго чертыхался, грубо обозвал жену и, выругав сына, по-

рвал все его школьные тетради.

Глава 4. Странная концовка вечеринки

– Я не догадываюсь, о чём именно тебе известно, но мой разговор с Искупниковым шёл не о тебе и не о твоих интересах, – мягко сказал Андрей, после того, как Алина его прекнула беседой с братом. – В нём не было ничего, что могло бы тебя так взволновать.

Искупникова взяла со стола бокал и едва не бросила его на пол, но вовремя остановилась:

– Как же мне всё это вытерпеть? Ты не понимаешь. Не важно, о чём вы говорили. Хорошо, что хоть не обо мне. Да и это было бы не важно. Одно то, что ты с ним говорил...

– Ну что?

– Как что?

– Говори...

– Одно это меня бесит. Как ты не понимаешь, что этого нельзя было делать!

– Я и не хотел, но ты же знаешь, каким он пьяным может быть.

– Он, что, был пьяный?

– Почти. Поверь, что я не хотел с ним говорить.

Алина чуть отступила. Она почесала одну ножку другой и призадумалась.

– И тебе противно, что ты с ним говорил? – спросила она, заглядывая в глаза Андрею.

– Ну не то, чтобы... Нет, не противно, но неприятно, – за-

говорил он, для острастки усиленно кивая головой.

– Точно?

– Точно тебе говорю.

Андрей не предъявлял ей претензий из-за то, что она на него так накинулась, и Алина начала злиться безмерно: ей не удавалось бросить ему в лицо заранее заготовленные оскорбления и проклятия.

Все остальные нехотя опустили головы, не желая мешать. Можно было предположить, что происходило спонтанное публичное признание в любви.

– Если бы ты с ним, как друг говорил...

– Ох, уверяю тебя, что не как друг. Тут другое...

– А как?

– Ты знаешь, когда я с ним говорил, я думал о тебе.

Казалось, что и без того оживлённое лицо Алины было озарено каким-то новым светом; её взгляд выдавал ещё неведомую стихию души, как будто все чувства, которые способен испытывать человек (и любовь, и ненависть, и радость, и печаль...) разом обрушились на сердце Искупниковой.

Андрей насторожился. Алина вдруг махнула рукой и засмеялась самым непринужденным смехом, предвосхищая скорую бурю. Чем сильнее Искупникова злилась, тем безудержнее казнила себя потом.

– Ох, и допрыгаешься ты у меня, – медленно проговорила она, вытирая слёзы веселья. Алина глубоко вздохнула. Она потёрла глаза, немного размазав под ними тушь.

– Ха-ха, допрыгаешься.– Искупникова вновь хохотала.– Так и будет.

– Я не обижусь на тебя.

– Я тебя высмею. Перед ней!– крикнула Алина и пальцем показала на Настю. Так и замерла в этом угрожающем положении.

– Такого твоего поведения я не приму.

Искупникова, прищурившись, стояла посреди зала, пока, опустив голову, опять не хихикнула:

– Вот теперь точно сделаю.

Лицо Андрея страдальчески исказилось, но он, словно хотел мучиться ещё сильнее якобы желая добить себя. Это было какое-то *сладострастие терзания*.

– Ну и пусть, заслужил,– Андрей вскочил с кресла в припадке волнения или даже эйфории.– Ну и пусть, пусть... Тем лучше. Я уж и хочу этого. Друзья, послушайте меня. Только не подумайте, что я дурак или извращенец какой-нибудь, но мне хочется открыть вам душу свою, хотя это сейчас и не к месту, и не вовремя. А, может, так кажется. Разве можно к месту и вовремя душу открывать?

– Полетел, теперь не остановить,– вырвалось у Алины или она сделала такой вид, что у неё вырвалось, а не нарочно было сказано. Она опять чуть отступила и жестом попросила не прислушиваться к своим словам,– так поступают *святые грешники от бога*, которые в отличии от других, измазанные грязью, думают не о том, как отмыться, а о том, как не ис-

пачкать.

– Ты, Алин, можешь всё, что угодно говорить... Только я от своего не отойду. Это последнее, ещё жгучее... Когда я шёл к вам сюда... Такая история случилась. Я прилично опаздывал и искал оправдания. Я думал, *что* мне нужно сказать, чтобы вы не обиделись, что я опоздал. И довольно сильно задумался. Даже испугался, когда услышал, что кто-то меня зовёт. Рядом со мной по тротуару шёл мужик какой-то. «Брат, доведи меня, пожалуйста. Доведи меня до дома». Вот так он говорил. Он меня братом назвал. Братом! От него сильно пахло водкой. Он еле стоял на ногах, шатался. Я на миг засомневался. «А тебе далеко?» Подлец! Ох, какой подлец! Я чуть под землю не провалился. Я чуть ему на шею не кинулся. Эту секунду сомнения... Я же себе её никогда не прощу. Он сказал, что надо только перевести через дорогу, и будет его дом. Я взял его под руку. Мы перешли дорогу, и тут мужик схватился за сердце. Он попросил остановиться и начал искать по карманам. «Как раз хватит», – он считал какие-то копейки. На углу, рядом с его домом была аптека. Он двинулся туда. Если бы я его оставил, он бы упал. Мужик сказал, что хочет купить таблетки какие-то... чтобы сердце не болело. Мы купили, он засунул две под язык. Опять идёт, шатается, я с ним, а сам он такой чистенький, опрятненький, слабенький... И быстро, очень быстро хлопал ресницами, как будто боялся расплакаться. Я не могу смотреть, как люди вот так моргают. И ещё я не выношу заик...

Он заикался, я вам забыл сказать. Клянусь, если бы у него не было рук и ног, мне бы было его не так жалко. Жальче всех на свете заики. Я не могу слышать, как люди заикаются... и не могу выговорить самых простых слов. Я не могу это выносить. А он ещё и моргал так часто. Нет ничего жальче... как смотреть на того, кто моргает глазками так жалобно... Реснички у него были такие... длинные, густые. Ладно, не буду... В общем, он опять стал шарить по карманам. Ничего там не было. Он махнул рукой и сказал идти дальше. Я хотел его проводить до самой двери, я боялся за него. Но он стеснялся, что какой-то мальчик доведёт его до двери. Стеснялся, может, родственников, может, меня, а я думаю, что себя он стеснялся. На лестничной площадке попросил говорить шёпотом. Опять засунул таблетку под язык... все свои копейки за это отдал... И как он эти таблетки держал в руке! Как спасение какое-то! Он, по-моему, их даже гладил... Так робко гладил!.. Пальцы даже, как будто боялись к ним прикасаться!.. Как к божеству!.. Он их держал... как роскошь!.. Как редкую драгоценность!.. И ведь доволен был, как будто!.. Даже поглаживал пластинку, где были эти таблетки. А сам качался... Все копейки, похоже, отдал... Да он всех денег и богатств мира достоин. Потом попросил меня уходить. Он пожал мне руку. Я ушёл. И такая, помню, рука у него была нежная, тёплая, жалкая. Хорошо, что он этого не будет помнить. Я не могу больше...

– Вот кретин. Всё настроение испортил,– начала плевать-

ся Искупникова.

– Кто угодно, только не кретин.

– Кретин, кретин.

Андрей уже не слышал, а только в исступлении присел перед ней на корточки:

– Я не могу больше... Я не могу больше!

Глядя Искупниковой в глаза, он кричал так сильно и над-рывно, что она на мгновение невольно изменила выражение лица. Алина, как будто и не подозревала, что Андрей способен орать таким голосом.

Вскоре она залилась детским, разбойническим смехом. Андрей робко взглянул на неё сверху вниз и понял *всё*.

Алина ещё долго смеялась, но он уже не смотрел на неё, а лишь стоял перед ней, как перед святой. Он смиренно наклонил голову.

– Ну это уж чересчур, – перебил смех Алины Дмитрий.

– Ага, – поддакнул хозяин.

– Этого мы вам не позволим... Ладно я... У меня совсем другая история была. Театральная. А это что за истерика! Давайте ещё соседей позовём, пусть посмотрят. Успокоят. До чего же ты пошло рассказал!

– И пошлая история.

– Пошлая... Эротика какая-то духовная. Но это же не искусство. Где тут театр? Здесь тротуар один.

– У тебя было по-другому.

– Ну действительно. У меня полёт, а не падение. А то это

деревенщина... А у меня полёт.. Да... Хотя и грязный, но полёт. Поэт унизил красавицу.

– Это даже не дуэль, это ещё круче...

– Круче... На дуэли не всегда убивают.

– На них не всегда приходят.

– Да их и нет уже, ха-ха!.. Они устарели.

Никто не замечал, что Настя сидела в слезах и тихо содрогалась. Глаза были влажные и красные. Она то и дело двумя руками вытирала слезы, так покорно и виновато.

– Не тебе говорить про дуэли, Дима,– повернулся к нему Андрей.

– Бог, я думаю, рассудит,– он встал и, казалось, что боялся поднять на товарища глаза.

Настя вскочила с кресла и, продолжая плакать, крепко схватила Андрея за руку.

– Андрюшечка, милый,– взмолилась она,– миленький! Пойдём отсюда! Я тебя очень прошу! Давай уйдём отсюда! Пожалуйста. Давай отсюда уйдём!..

Андрей ужасно испугался, сам того не понимая. Вид у него был глупый и растерянный. Губы опухли. Рот был полуоткрыт.

– Куда?– спросил он.– Куда пойдём?

– Не важно это,– Настя продолжала виснуть на нём.– Давай просто уйдём... куда-нибудь.

– Мы не можем, ты же видишь, что с ними.– Андрей наклонился к её уху и стал кричать.– Отстань ты от меня!

Настя часто хлопала длинными чёрными пышными ресницами. По щекам ползли тёмные ручейки размазанной туши, как будто из её чёрных глаз текли чёрные слёзы.

Андрей охнул.

– Что же нам делать?– спросил он.

– Уйдём!.. Прошу!

Алина стояла с ещё более растерянным видом, чем у Андрея, но не забыла по-барски скрестить руки на груди.

– Так заканчивайте, всё! Устроили цирк!– она начала оттаскивать сестру от Андрея.– Не приставай к нему! Не надо к нему лезть... Ему и так тяжело!

Тон её был чрезвычайно насмешливый, хотя лицо выражало крайнюю озабоченность.

– Не тебе про цирк рассуждать... Сейчас ещё дурочкой прикидываться начнёшь,– сказал Андрей и беспомощно опустил руки.

– Не такого я цирка хотела.

– Да ты его и до сих пор хочешь.

– Дурак!– вскрикнула Алина. Она, не удержавшись, улыбнулась, и как из зазеркалье, ей в ответ улыбнулся Андрей. На мгновение он забылся, и только всхлипывания Насти напомнили ему о ней. Андрей вплеснул руками.

– Ну вот видишь, всё обошлось...– он потянул было к ней руку, но понял, что этого делать не надо было. Настя в жестокое недоумение качала белокурой головкой. Остальные начали переглядываться.

Улыбки Андрея и Алины обнажали что-то касающееся их двоих. Они продолжили улыбаться, прибавив ехидства этим улыбки, чтобы другие не догадались об их истинных волнениях.

– Чтоб ты провалился, дорогой мой, – Алина с ядовито-насмешливым выражением лица сказала-плюнула Андрею.

Она нарочно разжигала свою злобу к нему, почувствовав, что та почти испарилась за последние минуты. Как ни парадоксально, но это самое типичное поведение русской девушки. Перед тем, как приласкать молодого человека, она ощущает мучительную потребность сначала позлиться на него, а потом его попрезирать. Только слепцы могут говорить о том, что это от пустоты ума, а не от полноты сердца.

Пока истерика всё ещё полыхала, хозяин очень ловко и незаметно для других опрокинул пару бокалов и вновь сильно захмелел. Его потянуло к дамам. Как нарочно или как на зло, рядом оказалась его бывшая невеста. Он это не сразу осознал, тихо подойдя к ней и нежно поглаживая её по плечу. Вместо него, казалось, улыбался блаженный ангел уснувшего похмелья.

– Тебе чего? – повернулась к нему Алина. – А ну отойди.

Он отскочил от неё и трусливо зашатался в сторону кресла. Испуг был вдвое сильнее прежнего.

– Я тут запутался...

– Да уж, – закивала Алина.

– Я сглупил.

– Ты... Ты, вообще, пьяный. Ты допился... до меня. Лечиться тебе надо...

Алина повернулась к сестре. Она поглядывала и на Андрея. Алина долго мучила сестру взглядом, улыбаясь одним уголком рта.

– Чего ты улыбаешься?– тихо спросил Андрей, осторожно взяв её за локоть.

– А?

– К чему это?

– Уйди. Ты слишком много знаешь о страданиях, чтобы понять, почему я улыбаюсь...

Она обвела всех взглядом.

– Плевала я на вас всех... сверху.

Дмитрий сказал что-то очень неразборчивое.

– И плюю, и буду плевать,– Алина, словно и не услышала вовсе его слов.– Я только сейчас поняла, как я вас всех обыграла.

Андрей что-то прошептал Насте на ухо.

– Вы обо мне не сплетничайте,– вскрикнула Алина.

– Мы не о тебе,– ответил Андрей.

– Обо мне, обо мне.

Алина пошла поближе к столу взять бокал.

– Выпью-ка я... Устала...

Андрей чуть не подпрыгнул.

– Ты подмигнула.

– В смысле?

– Ты точно подмигнула сейчас.

– Кому?

– Хм... Не важно... Ты подмигнула. Ты посмеялась сейчас надо мной,— он, как от ужаса, закрыл рот рукой.

– Ты с ума сошёл, что ли? Я не...

Она вплотную подошла к Андрею. Что-то вдруг было осознано ими. Они стояли так близко, что их души могли соприкоснуться и чувствовать друг друга.

В окно врезалась птица и рухнула вниз. Всё произошло так скоро и неожиданно, что этого, как будто и не было. Слишком быстро летела птица...

Как после разрядки приятной, но чересчур интимной обстановки, Андрей и Алина ощутили и облегчение, и досаду. Они одновременно разошлись в разные углы комнаты.

Первой заговорила Алина:

– Я тебе, Андрей, в конце концов, не девочка какая-нибудь... поэтому вот что тебе сейчас скажу... Ни сейчас, никогда не думай обо мне серьёзно. Даже если я буду очень серьёзно на самом деле выглядеть. Всё, что я тебе здесь до этого говорила, это ложь. Правдой это не может быть ник при каких раскладах. Ты и сам, наверное, чувствовал, что я тебя обманывала. Говори сейчас же, чувствовал или нет. Говори.

– Что именно?

– Я тебе сказала, что.

Молчание...

– Долго я ждать буду? Чувствовал или нет?— Алина почти

плакала. Губы её дрожали. Она была близка к самому отчаянному страху.— Ну говори же.

— Да,— сказал Андрей и отвернулся, неловко покраснев за то, что он вынужден был сказать это.

— Вот так,— Алина успокоилась, хотя понимала, что это спокойствие ложное, формальное.— Всё, что хотела, я сказала...

Она взяла сестру за руку и пошла с ней к двери. Настя подчинялась так же. Как и тогда, когда только входила в квартиру.

— Настя, счастливо,— по-райски улыбнувшись, сказал Андрей.— Счастливо, девочки.

— Иди к выходу,— сказа Алина сестре, а сама приостановилась в прихожей.— Она завтра же тебе даст коленкой под зад!

Алина прокричала, через плечо посмотрев на Андрея.

— Сейчас... Сейчас...— хозяин, спотыкаясь, спешил закрыть за ними дверь.

Друзья выпивали до двух часов ночи. Появление девушек даже облегчило их общение: так горькое лекарство избавляет от болезни, и приходит долгожданное избавление и от противного препарата, и от хвори.

Хозяин уснул раньше всех. Его уложили на диване. Мелюков уснул чуть позже. Он лежал на полу. Андрей и Дмитрий долго смотрели друг другу в глаза, не начиная беседу, как будто атмосфера и окружение унижали то, о чём им предстояло поговорить.

Они вместе вышли из подъезда и вместе почувствовали прелесть хмельного майского воздуха. Тишина была такая глубокая, что от одной этой тишины можно было до невозможности испугаться и сойти с ума.

Звёзды, как отверстия в небе, смотрелись ущербно и неуместно. Что-то странное и роковое надвигалось на город, на весь мир, и лучше бы небо было бы покрыто простынью чёрных туч. Андрей и Дмитрий пошли по домам в разные стороны. *Ночь* уже закончилась, *утро* ещё не наступило.

Глава 5. Сын и муж-сирота

В три часа ночи Андрей зашёл в подъезд своего дома. Он жил в квартире на девятом этаже, но не захотел поехать на лифте. Андрей медленно, иногда на мгновение останавливаясь, поднимался по ступенькам.

Он думал о Дмитрии.

«Я хоть и далёк от настоящих мыслей об этом... Но всё же, как же грех может соблазнительно выглядеть... Или Дима этого и добивался? Ничего не понимаю... Ничего... Он бывает то весёлым, то грустным... Причём не угадаешь, когда его настроение изменится... Случайно меняется? Не думаю... Значит, грех то сильно его угнетает, то слабо... Но он всегда над ним летает. Странно... А ведь он выглядит, как подлец... который разочаровался в подлости... и в своей и в общей... И он... Да!.. Он растерял её. Он уже не уверен в своих силах...»

Андрей постучал в дверь. В квартире слышались шаги. Его отец, Кирилл Егорович Яськов, бывший в то время в отпуске, крепкий мужчина среднего роста, с заспанными глазами отворил дверь и притворно улыбнулся. Он был недоволен и опустошён. Его обычно смуглое лицо смотрелось болезненно-жёлтым.

При виде отца Андрей ощутил необходимость страдания, как будто на нём была вина, что ранее его мучения тревожи-

ли сердце гораздо меньше, чем сердце родителя. Сын как-то *нехотя* предавался терзаниям. Про себя он называл это *насилием страдания*.

Андрей прошёл в свою спальню, наверняка зная, что отец через какое-то время зайдёт к нему.

Чуть более года назад от сердечного приступа умерла его мать Смерть Ольги Николаевны навсегда переиначила душу сына.

В день трагедии, едва узнав о случившемся, Андрей в неизъяснимом даже для него самого порыве первым делом побежал домой к Дмитрию. Впоследствии он много думал о том, *что* произошло. Порой ему казалось, что он полетел к Дмитрию, как к самому страшному врагу, храня в душе пугающую надежду. Здесь было что-то библейское. «Возлюбить» врага Андрей не хотел. Он думал, что Дмитрий его полюбит, а, главное, поймёт в минуту тяжелейшего горя и в эйфории от только что приобретённой благодати пожалеет его. Он мечтал о широкости его души. А есть и такая вероятность, что Андрей в том числе решился её испытать и *прозреть*.

В первые минуты он не погружался в отчаяние, зная, что самая сильная боль ещё впереди. Андрей даже вдруг обрадовался этому. Он застал Дмитрия во дворе его дома.

Горячее дыхание Яськова обжигало воздух. Он не мог сначала говорить. Жестом попросил дать время, чтобы отдышаться. Дмитрий мистически улыбнулся. По небу летала

таинственность. Андрей держался за сердце.

Отдышавшись, он сказал:

– Умерла.

– Матушка?

– Да.

– Ну я так и понял.

Андрей заглядывал ему в глаза, как в душу:

– И ты ничего мне не скажешь?

– А что ты хочешь услышать?

– Даже сейчас ничего не скажешь?

– Ничего.

Дмитрий глядел по сторонам, избегая взгляда Яськова.

Прождав полминуты, Андрей схватил его за руку:

– Можно раскаяться через год, через полвеčnosti, через вечность, а ты раскаешься через час.

Его голос звучал ласково-пушисто.

У Дмитрия затрясся подбородок:

– Ты меня не понял. Как ты мог меня не понять! Как ты мог мне такое сказать!

Андрей стоял посреди спальни, не находя на чём бы можно было остановить взгляд. *Как ты мог мне такое сказать!..* Эти слова до сих пор звучали в его душе и ножом разрезали её пополам.

В комнату осторожно вошёл отец. Яськов отвлёкся от воспоминаний о том разговоре, о том, что именно после бесе-

ды с Дмитрием и до самых похорон на него навалились самые чёрные дни в его жизни. Андрей старался угадать настроение родителя. Яськов быстро понял отца. Тот был в каком-то равнодушном отчаянии. Андрей даже мог бы обругать отца, и ничего бы жёсткого от него не услышал. Бывало, что Кирилл Егорович, когда бывал в «равнодушном отчаянии» не обижался на самые несправедливые упрёки сына,— до того у него всё зависело от настроения.

— Андрей, ты любишь какую-нибудь девушку?— спросил он сына.

— А при чём тут это сейчас?

— Нужно, чтобы ты... любил... обязательно...

Кирилл Егорович всегда говорил сыну эти слова на ночь. Он невольно всё делал по расписанию. Например, вечерний распорядок: в семь часов — ужин, в восемь — кофе, телевизор, газеты; в девять — предсонный плач, ещё через полчаса — «ты любишь?»

Посреди ночи мог тоже поплакать. Андрей слышал эти монотонные всхлипывания, и каждый раз беспощадно говорил себе, что отец рыдал не из-за смерти жены, а из-за того, что у него больше нет супруги.

В сознании парня образ матери высветился как образ и мученицы, и мучительницы. Она его терзала каким-то наивным, почти непонятым упрёком.

— Я люблю,— выдавил он.

— Хорошо,— сказал отец и поспешил выйти из комнаты.

Андрей шёл к окну, вдруг покачнувшись от рыдания. Он поборол себя и вскоре перестал плакать. Яськов громко ударил кулаком по подоконнику, и Кирилл Егорович вновь открыл дверь.

– Что это?– сгорбившись, спросил он.

– Ничего,– резко ответил сын.

Он слышал звук горя в голосе отца и изо всех сил пытался не соревноваться, чьё несчастье тяжелее. Андрей стоял спиной к Кириллу Егоровичу.

– Ох, сынок. После всего-то.. ты всегда такой со мной...

– Злой, что ли?– Андрей, повернувшись, слабо улыбнулся.– Или не так?

– Так, наверное. Женился бы то, что ли... И мне полегче бы было.

– Ах, папа, у тебя что сердце нет?.. Какая сейчас свадьба?..

– Зря. Но я не сержусь, я... прощаю. За такие слова... прощаю...

– Сказал я, ну и ладно. Я твоего прощения не принимаю, потому что оно незаслуженное. Я сторонюсь его. Запомни, я жалею, что сказал тебе так, но прощения не прошу.

Отец пожелал спокойной ночи и покинул комнату.

Почти всегда, когда Андрей оставался один, он думал о матери. Свинцовым грузом лежало на его сердце впечатление первых дней после её смерти. Но была страшная для него странность: и подготовку похорон, и отпевание, сами похороны, и поминки он помнил в самых незначительных дета-

лях, он помнил, что какие-то сильные, огненные чувства владели его сердцем, но Андрей не помнил, какие именно. Яськов звал их из глубин памяти, возвращал себя в то чёрное время, и всё равно не мог ощутить, какого свойства было то, что его тогда обуревало.

Спустя месяц после похорон Яськов, как при похмелье, ждал, когда придёт облегчение. Оно наступило одновременно с сознанием духовной близости с Ольгой Николаевной. Она превратилась для него в божество, а это божество привело к «истинному Богу», не тому Богу, в которого он верил до смерти матери. Тот Всевышний был ему важен, но он им не дорожил, а держал его, как будто про запас, «невзначай про запас». Любовь к матери и её святость виделись Яськову таким железным фактом, что он и не предполагал «Божьей несправедливости, Божьего неприсутствия, Божьей ненаграды, Божьего неисхода.»

Теперь, год спустя, Андрей чувствовал, что никогда не был так близок с Ольгой Николаевной, как после её смерти; чувствовал, что, когда она была жива, он не знал даже маленькой части её духовного мира и нравственных принципов, которые ему открылись вслед за похоронами.

Множества икон были расставлены на подоконнике в его спальне, икона матери была поставлена на его сердце. Он молился и ей, и на неё. Андрей зачастую пугался, когда понимал, что он невзначай забыл о происшедшем. В такие моменты он сначала боялся, потом радовался. Яськов без вся-

кой наигранности забывал, что его мать умерла.

В то же время чувство иного блаженства освещало душу Андрея. Ему казалось, что в его сердце поместился весь мир. В каждом наказании он видел испытание, в каждой радости – награду. Время от времени он безжалостно укорял себя за то, что отказался бы от воскрешения матери ради этого *ощущения Бога*.

«Что я нашёл! *Какого* Бога я отыскал! Я плачу, и он тоже плачет. Я смеюсь, и он смеётся. *Какого* Бога!..» – в эйфории думал про себя Андрей. Такие мысли постоянно прерывались скорбью, и душа его не переставала гореть пламенем страстей...

Так происходило в первые полгода после смерти Ольги Николаевны. Затем в его чувствах начали появляться перемены. Андрей стал более ясно понимать, что вокруг него совершается, но он не мог долго останавливаться на осознании какого-либо события. Едва Яськов начинал веселиться, как тут же ощущал потребность переключаться на что-то грустное; едва воскресало желание сблизиться с кем-то, как сразу оно заглушалось стремление к одиночеству. Он не мог привыкнуть к нормальному восприятию чувств и мыслей, его душа не могла долго смотреть на происходившее и невольно шурилась, как нам приходится шуриться, когда мы вдруг посреди ночи включаем в комнате свет и машинально закрываем ещё непривыкшие к свету глаза. Так и Андрей постепенно отвыкал от горя.

Чем больше проходило времени с момента похорон, тем отчётливее Яськов сознавал в себе силу, которой он не всегда мог найти применение в жизни, и в такие минуты начинал молиться полубезумно и самозабвенно. Иногда просил и о своём спасении, и о спасении своих врагов, но, в основном, о небесном покое матери. Андрей чувствовал, что его душа, словно не вмещалась в ту форму бытия, в которой она существовала. Плюс к этому он ещё и корил себя за то, что миру было слишком много его самого: все его влечения виделись ему неуместными и избыточными, — то перехваливал кого-нибудь, то недонаказывал; то чересчур часто ругал, то чересчур редко ласкал.

Вместе с этим Яськов безошибочно осознавал, что его душа возносилась к каким-то неведомым высотам. Они его и манили, и тяготили. Он корил себя за торжество над Кириллом Егоровичем. Насколько резко нравственно возносился Яськов, настолько быстро падал духовно его отец, как будто грязь других людей могла очищать сердце Андрея.

С новой высоты мировосприятия он видел, что несмотря на приятную непривычность чувств и мыслей, какая-то часть его души атрофировалась. К примеру, он перестал удивляться так, как удивлялся ранее. Яськову говорили какую-нибудь поразительную новость, он тут же сыпал междометьями, а во взгляде — штиль. Будет тот же самый эффект, если инвалиду, не чувствующему ног, ударить молотком по колену, то он станет мучиться от увиденного ужаса, не мучаясь от

причинённой ему боли. Поэт мог бы с другой точки зрения взглянуть и написать более живописную, лирическую, пусть и не столь правдивую, картину: если дунуть на только что потухнувший костёр, то пламя огонька на миг снова вспыхнет, пусть и с меньшей силой. Но это не воскрешение. Это агония.

Ранней осенью 2013 года Алина Искупникова начала так относиться к Андрею, как не относилась никогда за всё время их шестилетнего знакомства. Они дружили ещё до поступления в университет, где учились в одной группе. Но ни разу до смерти Ольги Николаевны Алина не позволяла себе ни горячих слов, ни горячих взглядов по адресу Яськова.

Их тёплые отношения сохранялись до той поры, пока Искупникова не познакомила Андрея с Настей. Это случилось в конце ноября.

Зачем она их сблизила, Яськов так до конца и не разгадал, однако, ясно сознавая жестокое соперничество между сёстрами. Плюс к этому он чётко видел то, что Алина стала ему навязчиво грубить и выдумывала всякие гнусности про него, распуская их за его спиной.

Больней всего ему запомнился случайно подслушанный разговор Искупниковой с Дмитрием. Они стояли в университетской курилке, а Андрей очутился за углом.

– Видишь, как я страдаю?– спросила она Дмитрия.

– Нет.

– А ведь ни за что...

– К чему всё это?..

– Пусть и он ни за что пострадает.

С Яськовым же она была по-прежнему обходительна. Андрею маниакально казалось, что Алина делала всё, чтобы своими выходками его не унижить. Таким образом, Андрей не должен был ощущать неловкости в её присутствии.

В своём влечении к Насте Яськов нащупывал что-то вроде бесовства. Он с ней мог общаться с какой-то обновлённой раскрепощённостью, но его всё равно к ней не тянуло, и Яськов, как полоумный, злился из-за этого на себя, чувствуя на сердце груз вины. Более того, Андрея тошнило от какой-то неизъяснимой пошлости, им ощущаемой, когда он находился рядом с Настей. Порой чем милей она выглядела, тем противней ему становилось. Он угадывал что-то тёмное на дне её души и брезговал погружаться до этих глубин, как мы брезгуем, допив почти всю чашку чая, допивать ещё и осадки.

После новогодней вечеринки, где Настя была чересчур ласкова с сестрой, Яськов вновь стал тянуться к Алине, особенно в самый тяжкие для себя минуты. Обходя стороной его «поиск ближнего», Андрей догадывался о жесточайшем соперничестве между сёстрами. В жару этой напряжённости Яськов видел, как вдвойне начинала страдать Алина, и тоже страдал за неё, за «ближнего», – мучительнейшее из страданий.

Но все терзания так и не смыли с его души порок, от ко-

того он мучился ещё до смерти матери,— гордость любви. «Всё из-за гордости. Всё из-за неё... Проклятая гордость... Я должен уязвить её. Тогда мне легче будет начать с Алиной...»— его мнительность формировала самое беспоконное отвращение к чувствам к Алине, которыми он, порой невольно, дорожил.

Алина же и не скрывала, что мучилась от изменившегося поведения. На первый взгляд казалось, что она даже искала страданий. Но это была не жажда терзания, а жажда раскаяния. Как правило, сначала хотят согрешить, а потом просить прощения. У Искупниковой было наоборот. Она так желала раскаяться, что на один день, 14 февраля, она возненавидела Яськова и согрешила с другим. Люди такого сорта все без исключения так сильно хотят раскаяться, что даже готовы согрешить.

Ранней весной Андрей решил почаще встречаться с Настей, чтобы меньше думать и страдать из-за Искупниковой. Но и тогда Алина казалась ему какой-то неземной душой, отчего он даже стал бояться с ней заговаривать. Видя это, Искупникова в насмешку то ли над ним, то ли над сестрой, целовала Андрея в щёку без всякого дружеского оттенка во взгляде. Возможно, так целовала Клеопатра. Чувствуя реальную близость с Алиной, Андрей видел в ней божество,— так с земли кажется, что ярче горит звезда не та, которая больше по размеру, а та, которая ближе к нам.

«Я её люблю за то, что она меня полюбила»— так мог себе

говорить Андрей, но не смел.

Он до того, был благодарен Алине, что сознательно старался выглядеть несчастным рядом с Настей, чтобы не делать Искупниковой больно. Яськов даже выдумывал себе грех: он якобы был повинен в столь внимательном к нему отношении со стороны Алины. Иногда ему снилось, как он просил её быть к нему злее и грубее, чтобы он не так сильно переживал.

Доходило до того, что Яськову рисовалась картина его превосходства над Алиной. Она ему даже стала казаться ниже ростом.

Андрей заговаривал с ней на новые для них темы, не касавшиеся учёбы и друзей. Он много её спрашивал.

Когда Искупникова сомневалась, как лучше ответить, он тоже якобы начинал сомневаться в своих первоначальных взглядах. Они, сами того не замечая, как будто играли друг с другом в поддавки, горя желанием уязвить себя, не уязвив собеседника; на деле получалось, что унижали себя, унижая и «ближнего».

Как-то в апреле Алина наткнулась на Яськова, гулявшего с Настей.

– Мы уже расходимся, – сказал он, вдруг приняв оскорблённый вид.

– Да? – переспросила Настя. – А ,ну да Как хочешь!

Она быстро пошла прочь.

– Такая резкая, – повернулся к Алине Яськов.

– Что сегодня с ней?

– Не знаю.

Яськов махнул рукой, давай понять, что не желал распространяться, и, не простившись, оставил Алину среди слонявшихся по улице зевак.

Яркая радость Искупниковой заменилась чёрным бешенством, когда она пришла домой и обдумала произошедшее. Впервые Андрею не удалось её обмануть. Впервые кто-то из них разгадал другого.

А Яськов, вернувшись домой, не радовался и не огорчался. Он уже привык к движениям души Алины, как привыкают к своим успехам и неудачам, доброте и злобе.

Как и всегда, поток его мыслей об Искупниковой прерывался страданиями о матери. Но теперь было по-иному. Чувство к Алине заглушало его скорбь. Он старался поглядеть на себя со стороны, отчего погружался в ужас. Андрей Яськов ненавидел Андрея Яськова так, что был готов застрелиться. Он на миг даже хотел бы стать Дмитрием; то ли от того, что не мог совершить грех; то ли от того, что про грех забыть не мог. Но эти мечты не искажали реальность. Яськов видел свою боль, но она его не терзала. Он мучился уже не от боли, а *лишь* от её созерцания.

Глава 6. В изгнании

В том возрасте, когда девушки в страстном томлении перестают спать по ночам, часами смотрят на фотографии любимившихся юношей, начинают красить губки розовой по-

мадой, пятнадцать раз меняют дату рождения на своей странице «В контакте», чтобы парни их поздравляли постоянно, без повода громко смеются, проходя мимо одноклассников. Алина, как будто заранее устала от жизни и порой умышленно, порой невольно с прохладой во взгляде посматривала на молодых людей.

У всех её знакомых появлялось впечатление, словно она их презирала до того, что ни с кем не хотела вступать в близкие отношения. Искупникова не избегала шумных, пышных вечеринок, но в какой-то момент стала вести себя там до странности грубо, а зачастую даже вовсе не удосуживаясь грубить.

Поведение её обрело стандартные формы. Обстоятельства на вечеринках всегда сводили её с каким-нибудь парнем. Он ей льстил, ласкал взглядом, трогал за руку, а она молчала или резко отвечала, и в, самом деле, искренне его призирая. Этот неудачник уходил, вскоре приходил другой молодой человек, и с ним Искупникова вела себя точно так же, ненавидя его, как будто по инерции.

Никто не думал, что Алину стесняло шумное общество друзей. Все видели, что была иная причина, по которой она имела множество знакомых парней, не имевших с её друзьями общих интересов и взглядов. Мало кто из её близких ведал, что это были за люди. Догадки строились разные, но вслух никто не говорил о своих предположениях, боясь ошибиться.

Все друзья Алины полагали, что причина одна, в то время, как причин было несколько. Самое страшное могло бы прозвучать по её адресу, если бы она была из бедной семьи. Искупниковы жили богато, и гнуснейшие из обвинений даже не начинали созревать в умах её близких людей.

Магдалинская страсть её души была стихией, порывом, поэзией блуда. Искупникова и сама видела что-то бунтарское в своём поведении. Она с удивлением наблюдала, что все знакомые парни уважали её до подобоострастия, до мужского самозабвения, и никто из них ни одним пошлым словом о ней не отозвался. Кто знает, может, и были на то основания.

Яськов – единственный, к кому она временами теплела. Многие, в том числе некоторые из её тайных знакомых, которым она рассказывала о нём, поражались и посмеивались. Андрей принимал её поведение с исключительным смирением. Он даже не гордился таким её отношением, чем ужасно бесил всех общих с ней знакомых.

Бывали случаи, после которых Алина вдруг начинала сердиться, краснеть, материться и почти драться с Андреем, хотя тот никогда не ввязывался в прения с ней, отчего она его ещё сильнее его била ладонью по голове, а Яськов ещё более слабел душой.

«В любви, как в злобе, верь Тамара, я неизменен и велик»– писал поэт. Очень типичное поведение всех страстных людей. Они начинают любить и не могут остановиться

до тех пор, пока не устанут; начинают злиться, и тоже до тех пор, пока не утомятся.

С Алиной было иначе. Если брать только её отношения с Яськовым, то она была велика лишь в злобе. Её чувство любви к нему пряталось за чем-то нежным, почти бесстрастным, почти оберегающим. После вспышек такой ласковости наступал порыв злобы, уничтожающий любовь заодно с презрением и превращающийся в огненную, беспощадную, самоубийственную ненависть.

Как раз такая ненависть и опустилась на сердце Искупниковой в апреле 2014 года, когда она возвращалась из университета. Она жила с родителями в большом доме довольно далеко от того района, где находился особняк Романа.

Жарким апрельским днём в задумчивой озлобленности Искупникова шла по улице, когда услышала крики и ругательства. На перекрёстке метров за сто от дома родителей стояла толпа подростков.

– Не твоего ума дело!.. – Ой, отстань ты от меня!..

– Да пожалуйста!

– Хватит орать на всю улицу.

– Да мне плевать на всех. И на тебя.

– Ну давайте ещё подерёмся!

Они о чём-то надрывно спорили и толкались. Искупникова быстро просквозила мимо подростков. Те только мигом взглянули на неё и продолжили своё дело.

Алина ещё сильнее задумалась и не сразу поняла, что по-

дошла к дому и что именно оттуда слышался оживлённый, страстный разговор двух мужчин.

Алина тихо отворила калитку и вошла во двор. На ней было лёгкое зелёное платье, одного цвета с изумрудной лужайкой перед кирпичным домом. Справа от него располагался большой бассейн.

Искупникова от удивления разомкнула алые губки и даже остановилась на мгновение, как будто спрашивая разрешения войти.

Спиной к дочери в кресле сидел, покуривая трубку, отец. Напротив него, наблюдая за Алиной, расположился мужчина средних лет со стаканом виски в руке. Оба были в шёлковых халатах.

Судя по голосу отец прилично выпил:

– Я тебе скажу... Ерунда это всё.

– Ну, может быть, и не ерунда, – ответил его сосед и сдерживал улыбку, следя за подкрадывавшейся сзади к отцу Искупниковой.

– Я всё... Я с ней всё... Я с ней вообще сейчас не общаюсь. Она мне, вон, только по паспорту дочь теперь. Как она живёт? Другие пашут, как лошади на работе, сутками пашут, а она, как королева. Какая она мне доченька теперь?.. Всё, не хочу... Я вот ей даю на морковку, чтоб с голоду не умерла и всё... Не хочу...

– Разве так можно?

– Только так и нужно...

– Всё ж дочь,– мужчина, тоже весьма хмельной, продолжал еле заметно ухмыляться.

В это время в бассейне плескались две голые девицы лет двадцати. Обе блондинки, обе звонко о чём-то своём хихикали.

– Ну и что?.. Какая дочь! Что за дочь! Не хочу... всё... Надоело. Вот придёт, сейчас точно решил, выкину ей в лицо все тряпки и пусть гуляет, чтоб глаза мои не видели... Всё, не хочу! Всё!..

–Ты что тут устроил?– Алина схватила его за ухо так сильно, что отец вскрикнул, как баба.

– Доченька,– отец, раскрасневшийся от алкоголя, сладко заулыбался и повернул лицо к Алине.

– Ты, что, вообще сдурел?

– Милая,– он потянул к ней загорелые руки.

– Как хоть ты...

– Помню,– отец с прежней улыбкой повернулся лицом к другу,– маленькая совсем была, ножками брыкается. А сейчас глянь какая принцесса!

– Какая я тебе принцесса?– Искупникова начала его бить по спине.

– Не кричи, доченька. Помню,– он снова повернулся к гостю,– маленькая, как куколка была, ножками брыкается.

– Фу...

– Дай я тебя поцелую...

– Фу, отстань...

Алина тяжело вздохнула и провела ладонью по лицу, как будто смахивая паутину ужаса.

– Какая красивая, а?

– Где мама?

– Малюсенькая совсем была, помню... Ножками топ-топ по полу, маленькая.

Искупникова дала ему пощёчину и пошла к дому. Когда проходила мимо бассейна, её остановила одна из девиц. Она вылезла из воды вслед за подругой.

– Куда же ты милая?– хохоча спросила гостя, поправляя волосы.

– Отстань.

– Почему так грубо?

– Пошла вон!

Алина толкнула её в грудь, и девица, визжа, вновь очутилась в воде. Отец, цокнув языком, с видом мудрейшего из священников выпил стакан виски и опять закурил.

Искупникова ощутила новую злобу: эта злоба была не без цели. Убегая то ли от неё, то ли от той сцены, которая была позади, Алина влетела в дом. В прихожей на стуле сидела её мать, раскрасневшаяся и в слезах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.